

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 5 (110) 2016
сентябрь — октябрь

**Тема номера:
ГОСПОДА ВЗРОСЛЫЕ!
НЕ ПОРА ЛИ ПРОЗРЕТЬ?**

- Храм, возрожденный любовью
- К маме за благословением
- Константин Сутягин: и кистью, и пером

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСПОДА ВЗРОСЛЫЕ! НЕ ПОРА ЛИ ПРОЗРЕТЬ?

*Протоиерей Михаил Ходанов –
Павел Демидов*
Даже не веря в Бога,
невозможно не зависеть от Него 4

Павел Демидов
Слепая любовь 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста... 12

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Протоиерей Георгий Полозов
Восставший из руин
(фрагменты будущей книги) 14

Архивариус
Ничто не проходит бесследно
Красная гроза над Голиками 18

Вадим Рутковский
Капля живой воды из Оптиной пустыни 20

МИР ВОКРУГ НАС

Наталия Прохорова
Религия всеобщего спасения 24

Александр Кабаков – Павел Демидов
За словом «добро»...
Что для человека естественно 26

Алексей Исаев
Прости, мама, и благослови 28

СТРАНА СЛОВ И КРАСОК

Константин Сутягин
Полеты в теории и в жизни.
Из книжки «Про счастье» 33

Валентин Курбатов – Константин Сутягин
О времени изнутри и снаружи 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Храм пророка Илии в
Евпатории. Фото Вадима Рутков-
ского. Подробно о храме – на сайте
«Лампады»

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 10.09.2016
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра.
Храни его Господь**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 1000 экз. Заказ № С-7287
© Лампада, 2016

Исцеление в Вифсаиде Христом слепорожденного и последующее омовение в Силоамской купели (Мк. 8:22–26)

В Священном Писании слов, однокоренных со словом «зрение», в два с лишним раз меньше, чем слов, связанных со словом «слепота». Лишь несколько случаев имеют в виду физиологию, большинство — о духовном состоянии человека.

Какой вывод можно из этого сделать? Не очень утешительный. Духовно слепых намного больше, чем духовно зрячих. Так было в ветхозаветные времена, так было при Иисусе Христе, так сегодня. Священное Писание — это не репортаж о текущем моменте, это — Книга на все времена.

Откройте Евангелие от Матфея, главу 15, стих 14: «...они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». Вожди — это не только цари или президенты. Вожди — это все, кому не только повинуются, но к кому прислушиваются, чьему опыту, уму и совести внимают, кому стараются подражать. Вожди — это и родители своих детей, и их учителя, чей долг помочь малым сим обрести правильное духовное зрение, чтобы вслед за слепыми взрослыми те не упали в яму.

Даже не веря в Бога, невозможно не зависеть от Него

Протоиерей Михаил Ходанов против заголовка нашей беседы не возразил, но возникла необходимость добавить некоторое пояснение. «Как раз для неверующих». Суть его в следующем. Есть абсолютная данность – существование Бога. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1:3–4). Тот, кто игнорирует эту данность, то есть живет лишь по собственному разумению, делает плохо не только себе, но и тем, кто соприкасается с ним, и особенно – тем, кто от него зависит.

Павел Демидов

– А если собственное разумение не противоречит этой самой объективной данности? То есть если человек, не веруя в Бога, живет как бы по Его законам?

– Просится ответ есенинской строкой: «Я хочу видеть этого человека!». Думаю, и десять Диогенов с их фонарями его не найдут. Альтернатива только такая: или ты с Богом, или ты без Него. То, о чем говорите вы, касается сферы нравственно-этической, а не религиозной. Это вопрос воспитания, обычаев, склада характера, темперамента, наконец, но никак не веры. И таких людей сколько угодно! Но замечено, что со временем они все выдыхаются в своих добрых делах, потому как, получив изначально все свои дары от Бога, не воздают Ему хвалы и тем самым отсекают себя от Источника блага. И иссякают. Я часто привожу пример: вот преподаватель гражданской обороны в советской школе, бывший фронтовик, инвалид, герой войны. Проводит с детьми зарницы, учит мужеству, требует, чтобы мальчики уважительно относились к девочкам, слушались старших. И добавляет: «А если, ребята, встретите на улице попа, плюньте ему прямо в рожу! Они – лжецы и негодяи, они воспитывают из людей рабов Богу, Которого нет!». Вопрос: каким в результате будет его влияние на души ребят? А так – хор-рр-оший человек! Но с бесовским вывертом.

– Но может, мы излишне обостряем проблему? Ну, кто-то верит, кто-то – нет...

– О, тут мы подходим к самому главному! К идее вечного спасения. Или вечной муки. И очень не хотелось бы оказаться среди тех самых «кто-то – нет». Нейтралитет тут невозможен. Человек рано или поздно занимает определенную позицию.

– Странно было бы услышать от вас что-то другое. Скажу откровенно: за очевидным я бы к вам не пришел. Я не знаю, как донести очевидное до других.

– Что вы имеете в виду?

– Детский суицид. В последнее время он приобрел у нас внушительные размеры. А теперь сюда влез и интернет. Нельзя сказать, что общество не озабочено этим. Ищет причины. Но на наших глазах происходит великое заблуждение. Всё главным образом сводится к поиску злых людей, которые в интернете совращают наших детей и провоцируют их совершить самоубийство.

– Вполне возможно, есть такие люди. Те, кто занимался этой проблемой, наверняка располагают фактами.

– Но для чего им доводить до самоубийства детей? Что или кто за этим стоит? В чем интерес тех, кто этим занимается? Можно допустить, что есть один-два маньяка, одержимых этой идеей. Но в интернете раскинута сеть – так паук раскидывает паутину, – куда эти неокрепшие души вляпываются, а потом уже не хотят и не могут выбраться. Однако дальше констатации самого факта, то есть наличия явления, люди не идут. Почему?

– А у вас есть мнение на этот счет?

– Есть. С ним я и пришел к вам, отец Михаил. Чтобы вы либо опровергли его и предложили другое объяснение, либо подтвердили мою точку зрения.

– И тогда?..

– И тогда можно было бы думать, как этому явлению противостоять.

– В таком случае слушаю вас внимательно.

– Явление сложное, пугающее, но, как ни странно, имеющее простое объяснение. Все это – результат бесовской работы. А люди, выполняющие ее, всего лишь инструмент в лапах дьявола. Сверхзадача примитивна – погубить душу человека. Самый верный способ – довести его до самоубийства. Почему объектом выбраны дети? Во-первых, ими легче манипулировать, чем взрослыми. Во-вторых, сделать это в начале их жизненного пути – значит исключить возможность их прихода к Богу и так далее. Я не прав?

– Вы правы. Это действительно наиболее «благоприятный» путь для губителя человеческих душ. Очень многое мы упускаем при формировании детской психики. Школа не может похвалиться успехами на поприще возрастания духовности у ее воспитанников. Она перестала быть воспитателем. Семья в этом плане тоже практически бездействует, потому что все преимущественно сводится к тому, чтобы удовлетворить материальные запросы своего ребенка, а это, что скрывать, и дается многим с большим трудом, да и разве угнаться за запросами, которые имеют обыкновение постоянно расти? А если семья к тому еще и неблагополучная или неполная? Дети оказались вне влияния семьи, вне влияния школы – этих двух традиционных и необходимых инструментов, которые помогали сформировать гармоничную личность.

– Вы считаете, это особенность нынешнего времени?

– В значительной степени. В советское время подрастающее поколение все же не проваливалось столь безнадежно, простите за каламбур, в безвременье. Там тоже, разумеется, были свои проблемы, а когда, скажите, обходится без проблем? К моменту, когда Советский Союз подступил к грани распада, в школе уже было практически то же, что есть в ней сейчас. Формирование депрессивной личности, можно сказать, поставлено на поток. Безбожное воспитание неизбежно приводит к разложению личности. Взрослые люди сегодня вплотную занимаются этим процессом.

Кто-то — получая за это деньги, кто-то — реализуя собственную концепцию миропонимания и получая от этого глубочайшее внутреннее демоническое удовлетворение. Внедряют, например, в подростковое сознание, что мир отвратителен, взрослые ужасны и, чем раньше мы уйдем из этого мира, тем лучше. Отсюда возникают плачущие эмо, депрессивные течения.

— При этом ведь не обязательно страшилки. Идеология может быть и вполне привлекательной. Как, например, было с японским аниме.

— Совершенно верно. Все эти молодежные субкультуры — панки, хип-хопы, эмо, готы, скинхеды, фаны — лишь за редким исключением содержат созидательное зерно, например сохранение природы. Да и те зачастую принимают экстремальные формы. А мы знаем, куда благими намерениями вымощена дорога. Как правило же, это — меланхолия, мрачность, подавленность. Врезал себе руку — как хорошо, что идет кровь! Носители молодежной субкультуры преимущественно не одиночки, хотя чувствуют себя одиноко в этом мире. Можно сказать, одиночество их объединяет. Это клубы, дискотеки, танцевальные площадки... Это низкочастотная и очень громкая музыка, которая не умиротворяет, не будит высокие и чистые чувства, а напротив — возбуждает низменные инстинкты... Да плюс к тому кто-то затянется травкой, кто-то иным способом добавит в кровь адреналина — и «клиент» готов, его можно брать голыми руками. И берут. Увы...

— Вы говорите, что молодые люди сейчас оказались вне влияния семьи. А безбожная семья или безбожная школа — как они могут благотворно влиять на ребенка, если на него воздействуют inferнальные силы? То, что делается в этом направлении, — это попытки обойтись своими силами, без помощи Божией.

— Почему я коснулся советской школы? Разумеется, тогда все было еще более безбожным, чем теперь. Но тот же Александр Проханов, говоря о советской империи в превосходных степенях, подчеркивает: была идея, были идеалы, им служили и в них верили. Это занимало умы и сердца. Помню, что мы, советские школьники, к проблеме отношений между полами прикоснулись только в девятом классе, когда она стала, и то отвлеченно, как-то интересоваться нас. Наше созревание носило скорее умозрительный характер. Был определенный процент «продвинутых», но уже как симптом приближающегося распада. Без Бога можно начать что-

то созидать, как это и было в Союзе, но благополучно завершить — невозможно. В том числе и детскую душу. Вспомним Вавилонскую башню. Да что так далеко — вспомним нашу же собственную страну. Вот с этими отсутствующими нравственными принципами мы и въехали в сегодняшнюю реальность. Как прежде, так и сейчас: без Бога все обречено на распад. Я ответил на ваш вопрос?

— Разумеется. Что, к сожалению, оптимизма не прибавило.

— А вы хотели услышать что-нибудь убаюкивающее типа «все будет хорошо»?

— Нет. Хотел услышать правду. Но почему я не слышу ее от власть предержащих, которые считают себя православными? От Церкви, наконец? Все переводим в какой-то этический план, в разряд организационных мероприятий, в область законотворчества. Это хорошо и полезно и необходимо, слов нет. Но недостаточно. Все это лишь вспомогательные средства, оружие второго эшелона. Оно неэффективно на направлении главного удара. Неужели не понятно?

— Разделяю ваше волнение. Попробую ответить. Начну с последнего — с Церкви. С чего вы взяли, что Церковь молчит? Вон какую филиппику вы только что произнесли. Я участвую в диалоге с вами. А разве мы — не Церковь? Вы — ее мирянин, я — клирик. И вовсе мы не молчим, но, насколько я понимаю, эта беседа должна стать предметом публичного чтения и обсуждения. Не исключено, что кто-то, прочитав, отзовется, вступит в разговор, завяжется дискуссия... Какое же это молчание? Если говорить о Церкви как об иерархическом институте, тут посложнее. Потому что эта Церковь... в хороших отношениях с государством. Что такое быть с государством в плохих отношениях, мы знаем, испытывали не один десяток лет. Хочется верить, что нынешний вариант окажется благотворным для всех. Мы молимся «о властях», просим Господа помочь, вразумить... Что касается власть, как вы говорите, предержащих... В их шкуре, к счастью, побывать не довелось. Какое-то время, правда, работал в международном отделе ЦК КПСС по своей светской профессии арабиста, но не в руководстве. Скажу одно. Там, где очень высокая власть, там действуют иные правила морали. Подобно тому, как между крупными бизнесменами существует поговорка: «Нет у нас ни хорошего, ни плохого. Есть деловые отношения. Все остальное — за пределами». Не берусь давать оценку, всего лишь констатирую: такова реальность.

— Туда такими приходят или такими становятся?

— По-разному. Не будешь таким — не попадешь туда. Будешь не таким — надолго там не задержишься. Не секрет, что приходят туда люди, не очень отягощенные моральным грузом. А иначе, наверное, в руководстве и нельзя. Не хочу об этом много говорить. Но очевидно: к власти приближены люди, в которых не избыточествует любовь к народу, кто не особо утруждает себя соблюдением и уважением традиций, это убежденные прагматики, носители потребительской философии. Нынешнее отношение к детям, как, впрочем, и к старикам, и к немощным, — это индикатор нравственного состояния общества в целом. В конце концов, все мы — живые люди, все ходим под Богом, хотим того или нет, все помрем и дадим ответ за всё содеянное. Но нет, не внемлют. Прут, как говорится, на рожон, себе на погибель. Видимо, греховность, порок и прочие зависимости обладают особой разрушительной силой — делают человека нечувственным к своим падениям, к своим ошибкам, к своим преступлениям. А Господь ревнив, Он не хочет, чтобы мы уклонились в невозвратный тупик. И посылает нам искушения под стать нашему «уклонизму». Так было в 1941 году, когда началась война, потому что система была богоборческая.

— Это была крайняя черта, до которой мы дошли? Как теперь говорят, дедлайн?

— Люди шли совсем, совсем не туда. Отвратительное было общество. Лживое. Страшное. Жестокое... Послевоенное поколение, люди 50-х, 60-х, уже было несколько другим. Только длилось это недолго. Снова стали закручивать антирелигиозные гайки и ускорять тем самым деградацию общества.

— Вы это о государственной политике?

— Да, о политике в отношении Церкви. Причина такого подхода понятна — земное измерение: Церковь, мол, властная структура, и она может занять в обществе доминирующее место. До чего примитивное рассуждение!.. Церковь, которую врата ада не в силах одолеть, Церковь, которая к тому времени уже завершала второе тысячелетие своего существования, — эта Церковь будет стремиться к эфемерной власти над тленным и земным?! В этом страхе заключалась вся пустопорожность коммунистической философии.

— Эта философия и суть православной веры — идея пакибытия — не просто антагонисты. Они несопоставимы, они существуют в разных системах изме-

рения, и потому их просто невозможно сравнивать. Это все равно, как, допустим, переводить английский текст с помощью китайского словаря. Если человек не живет этой идеей, он и ведет себя по жизни так, как призывает реклама кока-колы – «Бери от жизни все!».

– Именно так. Недавно, после пятнадцатилетнего перерыва, я был в Сочи. Есть там у меня знакомый лесник. Хороший мужик, конкретный, внешне напоминает Бориса Николаевича Ельцина. Тонкий душой, стихи пишет. Но – упертый безбожник, как и многие там. Мы с ним часто спорили. Там еще его друг, армянин. Они мне и говорят: «Хорошо, что ты, Миша, веруешь. Но если Боженька есть, как Он допустил, чтобы к нам Ельцин пришел?». Вот на таком уровне и разговаривали... Что ему отвечать? Говорить о попушении Божиим? Это не каждый верующий понимает и принимает. И вот через пятнадцать лет я к нему приехал, после того как он мне позвонил и сказал, что у него погиб сын. «Приезжай. Помоги». После двух дней общения он крестился.

– Это был не формальный акт?

– Ни в коем случае. Я бы на это не пошел. Чтобы принять таинство Крещения, нужно две вещи: исповедовать Господа Иисуса Христа Спасителем и покаяться в прежних грехах. Ведь Господь пострадал за нас, и, чтобы прийти к Нему, нужно искупить свою перед Ним вину. Потому только через покаяние возможно прийти ко Христу. И то и другое, я видел, у моего лесника шло от сердца.

– Значит, он уверовал в идею вечного спасения, так?

– Хотелось бы думать... На словах – да... Но, как правило, такое осознание приходит не сразу. Так что не знаю, не знаю... Большинство из нас живет сегодняшним днем. Каждый новый день – как белый лист бумаги для каждого.

– Христос говорит, что каждому дню довлеет его злобы.

– Конечно! Но не должен размываться фон – идея вечного спасения.

– Живи сегодня, но помни о вечности?

– Абсолютно верно. Иначе перемены в человеке невозможны. Тот же мой знакомый лесник. Изменился человек. Но для этого понадобилась смерть сына. Это не значит, что всегда необходима чья-то смерть. Мы не язычники и не сектанты. Но к нему иначе было не достучаться.

– То есть опять же мы виноваты. Господь вынужден встряхивать нас, бесчувственных и упорных в своем неведении.

– Это как раз то, о чем говорится: «Господь долготерпелив и многомилостив». Я на опыте личной жизни убеждаюсь, насколько цепок грех, как он держит тебя в своих мертвых, стальных объятьях. Даже при том, что ты все умом понимаешь. Но если сердце затяготело... Всё! Ты уже раб. Век высоких скоростей принес и высокие скорости грехопадения. А тормозная система давно и морально, и физически устарела. Сейчас, когда отпущено сдерживающее начало, когда грех торжествует во всех от мала до велика, стоит чуть-чуть подтолкнуть человека...

– Как вам кажется?.. Нет, давайте я вам скажу, как мне кажется, а вы ответите. Политика, которая проводится у нас в стране. Нельзя сказать, что она пользуется большой популярностью. Но мне кажется, она все же направлена на то, чтобы оторвать наше общество, наш народ от пути, по которому катится весь мир. Другое дело, может быть, это делается не очень ловко, может быть, недостаточно эффективно, но вектор направления усилий именно такой. Я читаю какие-то добрые послы. Или я ошибаюсь?

– Некий план, да? Программу Путина? Возможно. Но меня, например, очень огорчило, что он все же подписал закон о ювенальной юстиции. Значит, люди все же не всегда свободны в своих поступках, даже если занимают о-очень высокое положение. Может быть, и не очень хотелось подписывать такой закон, как порой не хочется вручать кое-кому бразды правления. Впрочем, это наша, человеческая точка зрения, у Господа – по-иному. Скажет: «Война» – будет война, не скажет – не будет. Вполне может быть, что-то и происходит, о чем вы говорите. Нам это видеть еще не дано, но до тех пор, пока мы, Церковь, находимся в таком клинче с окружающим миром, пока нас, как считают многие, надо гнуть к ногтю, это значит, что мы на верном пути. Вот такое у меня ощущение.

– И у меня такое же.

– Единственный очаг напряженности для западного мира – это Россия. А это значит: здесь – православие, Иисус Христос. Не все Его еще продали. Что Путина повлекло на Афон? Так просто туда не ездят. Он там причастился Святых Христовых Таин, причем не в алтаре, а со всеми. Это говорит о многом. Мы же понимаем, сколько противоречащих друг другу ситуаций подстерегает его каждый день и час. И тем, и этим, и пятым, и двадцать пятым... там очень все сложно. Легко судить со стороны. А наш президент не прост.

– И должен быть не прост человек, возглавляющий такую страну. Важно, как вы говорите, увидеть вектор.

– Тот, который вижу я, мне кажется правильным. Да я вообще не верю в то, что наверху сидят одни злодеи, которые только и думают, как бы всем причинить зло. В среде простого народа, в конце концов, злодеев тоже хватает. Под нестроениями, которые сотрясают сегодня мир, все же лежит не человеческое, а религиозное измерение. Идет самая настоящая религиозная борьба. Стержень, пронизывающий весь мир. А поле битвы – сердце человека.

– А то, что творится людьми на земле, всего лишь различные формы борьбы, так? Если смотреть под этим углом, то и картина рисуется иная, и оценки другие.

– Абсолютно верно.

– Но для этого нужно обладать религиозным зрением...

– И религиозным миропониманием. Зрение, о котором мы говорим, в той или иной степени присутствует в каждом. У одного оно острое и пронзительное, у другого зачаточное. Но что такое грех – знает каждый. Вопрос в том, насколько кто к нему удобопреклонен. Есть такая ширмочка, своего рода фиговый листок на совести: «Я – человек маленький, от меня мало что зависит». Ничего подобного! Если человек меняет себя, он обретает точку опоры в Боге. Он – один! – может перевернуть мир. Его вроде не было, никто его не знал, а он – рраз! – и появился. Господу он угоден, и Он делает его национальным героем. Непонятно, как такие люди появляются? Пришел день, час – и готов человек, который прежде был – меньше некуда. И общество уже готово воспринимать этого человека. И такие единицы смогут изменить направление вектора истории. Но народ их должен выстрадать. Если нет – будет рынок, точнее, базар-вокзал – то, что имеем сегодня.

– Вы говорите, что нет, по сути, человека, от которого ничего бы не зависело. Согласен. Но это возможно, если понимать, осознавать, если верить, что для Бога все мы – одно целое, единый, цельный организм.

– Однако Бог благословил каждому быть индивидуальным и нести на себе печать неповторимости. Обезлички в христианстве нет.

– Как, собственно, и говорит апостол Павел: у каждого члена свое назначение, но вместе они – одно тело.

– Надо сказать, светлое назначение, хорошее. Именно это и не умаляет че-

ловека, а возвышает его. Евангелие разбивает в прах коммунистическую идею, что каждый человек – кирпичик и только так можно что-то построить. Вот и построили... Но что-то не привлекает эта коммунистическая Сторожевая башня. Не манит... Ибо над каждым человеком есть сень Божественного плана, который должен воплощаться руками, мозгами, совестью, сердцем этого человека. Почувствует, откликнется – благо ему. Сегодня многие взрослые этого не чувствуют. Не откликаются. Как же детям возможно настроиться на камертон, который молчит?

– **В общем, чтобы спасать детей, надо сначала спасать родителей.**

– Да. Там же, в Сочи, я общался с двумя молодыми людьми. Я знал их еще младенцами. Сейчас они выросли. Усы, модные ботинки, всё, как говорится, при них. А говорить с ними абсолютно не о чем. Они вроде и приветливы – подвезут, заберут, но вот мы едем, и такое висит молчание... Я, конечно, пытаюсь как-то пробиться к ним, но чувствую: нет! Для них я пресный, серый, застрявший в традиционных ценностях. Человек, от которого буквально исходит: нельзя, нельзя, нельзя... Они не произносят, но я словно слышу их внутренний голос: все вы лжете, потому что сами живете по другим законам, перестаньте нас учить!

– **Зато как воспринимается грех! Казалось бы, я взрослый человек, который знает, что такое хорошо и что такое плохо, но и я порой туда же!.. Недавно по телевидению посмотрел фильм. Очень пристойная, нравственно здоровая картина, можно не уводить детей от экрана. Но поймал себя на том, что испытываю неудовлетворенность. И с огорчением понял: уже прикормлен к тому, что «погорячей». Норма кажется пресной. Чего же мы хотим от малых сих? Но как вернуть зрение родителям, если начинать надо с них? Как им втемляшить в голову, что нельзя растить детей в безбожии? Как это сделать?**

– Мне кажется, дети сами дают им почву для размышлений.

– **Для размышлений над чем?**

– Над тем, что они подняли детей, поставили на ноги, но не воспитали их. То есть они не преуспели в выполнении своей главной родительской функции.

– **И что же прикажете делать? Ждать, пока они созреют до этого понимания? А их дети тем временем будут выстраиваться в очередь в «группы смерти»?**

– Как ни печально, но изменение в сознании может наступить не в индивиду-

альном порядке, а скорее под влиянием внешних событий, которые заставят задуматься над происходящим.

– **Вы имеете в виду какие-то глобальные катаклизмы?**

– Нет, я имею в виду вмешательство Господа. Он может подходить к тебе по-разному. Тихим дуновением ветра... Советами ближнего... или постороннего... К кому-то – палкой... Это ужасно. Это «нарушает права человека». Тем не менее вся Библия на словах пророка Исаии стоит: «Во что еще бить вас?». Я не мистик, но начало каждого века все же проходит одинаково. Жалко людей, но люди плохо себя ведут. Что так называемые простые, что власть предержащие. Злобны, завистливы, неверы, сквернословы... А при этом чего-то хотят. Но ничего не получают. Пока не покаются.

– **То есть не осознают. И не начнут жизнь с чистого листа.**

– Насчет чистого – это, пожалуй, желаемое за действительное. Пусть хотя бы осознают. Поймут и признают свою неправоту. Это уже немало. Покаяние – трудный, мучительный процесс. Покаяние через кровь идет. Через пот и слезы.

– **Не много ли пессимизма?**

– Если обо мне, то его еще мало. А есть прекрасные ребята. Я знаю таких. Мы пытаемся их находить через наш журнал «Вверх», он рассчитан как раз на тинэйджеров. С точки зрения горького и подчас гнусного жизненного опыта они знают в разы больше нашего. Порой перехватишь чей-то взгляд, а он на тебя, оказывается, – свысока. Ты тут барахтаешься в своих умозрительных представлениях, а они многое получают, что называется, из первых рук. Очень интересны их материалы: что они думают о нынешнем времени, о правительстве, что они думают о России, о Западе и вообще о современной жизни. Мы выводим их на серьезный разговор. Это нужно, потому что нужно приучать человека быть ответственным.

– **Похоже, не родители их, а они родителей должны учить уму-разуму.**

– Вот-вот! К этому как раз сейчас идет все западное... язык не поворачивается произнести «воспитание». Ребенка не тронь! Ребенку не запрети! Не стесняй его свободу! Однако сказано: несть власти, аще не от Бога. Вот смысл власти: помогать немощному человеку выдерживать натиск времени.

– **О, это такая узкая половичка! Любимая зацепка для демагогов: «Ах, значит, и Гитлер, и Сталин тоже?!».**

– Этот народец считает, что хороша только та власть, которая тебя по шерсти.

А власть – она во благо. Просто одному благо – по шерсти, а другому – против. Чего уж тут спорить... Но я подразумеваю не сталинизм и не фашизм, а власть, почитающую Евангелие. Именно она понастоящему богоугодна. А все остальные ее варианты – попущия Божии для нашего вразумления.

– **Меня-то убеждать не надо. Слова Апостола о власти – это и об отношениях между родителями и детьми. Родители – это власть, дети – подчиненные. Но как сделать, чтобы эти власть предержащие наконец прозрели?!**

– Несите слово Господне. И молитесь, молитесь от всего сердца и от всей души, как нам, христианам, и положено. А так, конечно, подрастающее поколение – целина, которая, увы, уже распахана грубыми страстями и зависимостями общества дикого капитализма. Разговаривать с ними тяжело. Скажешь слово – а они десять! И кроме того, наше семейное и даже церковное влияние остается в их среде пока что эфемерным, потому что мир Вавилона ломится к ним с монитора компа, со смартфонов и планшетников, которые мы же им угодили и покупаем, с улицы, из компании «крутых» друзей, а также от взрослых дядей, стремящихся втянуть детей в индустрию шоубизнеса и выкачать из них всё – энергию, нравственность, силу жизни и красоту. И – выбросить. Вот так.

У меня есть сын. Он рос в среде художников, окончил Художественное училище памяти 1905 года, став реставратором, затем отучился в ГИТИСе, получив профессию художника сцены. Он вращался в молодой бомондной среде, где всего хватало, но милостью Божией его миновало влияние геизма и наркотика, столь распространенное в элитарных молодежных тусовках. Сейчас он уже взрослый, сложившийся человек, женат, ему тридцать второй год. Работает реставратором у Церетели. Единственный его конек, которым он подчас испытывает мое терпение – учит меня жить. То есть я живу не так, а он – правильно. Конечно, он находится под влиянием духа времени. Кончилось то благословенное детство, когда он учил вместе со мной молитвы и вставал на вечернее правило. Сейчас я для него слишком пресный и ханжески правильный. Но Христа он все-таки любит. Ладно, больше распространяться не буду. Видите, и у священников есть свои семейные шторма и Бермуды. Не всё так житийно гладко. Борьба за душу идет и будет идти всегда.

– **Помоги вам Господь, отец Михаил.**

– И вам помощи Божией!

Слепая любовь

Карта взята из группы «ВКонтакте». Точками отмечены места детских самоубийств, состоявшихся и предполагаемых. А этот знак-иероглиф в центре можно встретить во всех закрытых, да и во многих открытых, группах, уделяющих много внимания теме суицида

По исследованиям Международного детского фонда (ЮНИСЕФ), действующего под эгидой ООН, в России подростки совершают самоубийства чаще, чем в любой другой стране мира.

Если вы захотите узнать, сколько среди них верующих, вас ждет разочарование: такой статистики нет. И вряд ли она возможна. Я, например, не слышал ни об одном случае подобного рода. Спрашивал у сведущих людей – не знают и они.

Два абзаца – и, казалось бы, исчерпана тема: первый обозначил проблему; второй подсказал ее решение. Но между абзацами стоит пробел. В него-то все и упирается.

Не так давно квалифицированная и жестко оппозиционная «Новая газета» страшно возбудила общественность громкой и пространной акцией под общим названием «Группы смерти». На читателя обрушились подряд пять номеров газеты с общим числом публикаций 16 (шестнадцать). Все было выполнено профессионально грамотно, в лучших традициях подобных кампаний. Особую пикантность придавал повторяющийся анонс на первой полосе: «18+ Убедительная просьба к родителям: этот номер не должен попасть в руки детям».

На первой же полосе, выполненной исключительно в траурной колористике, размещен так называемый лид – ведущий абзац, раскрывающий тему: «С детьми в социальных сетях рабо-

тают системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте. Мы насчитали 130 (!) суицидов детей, случившиеся в России с ноября 2015-го по апрель 2016 года, – почти все они были членами одних и тех же групп в интернете, жили в благополучных и любящих семьях. Новые смерти анонсированы там же. Как родителям распознать надвигающуюся беду?».

В самом деле, общественности было от чего взволноваться. И пафос коллег из «Новой» понятен. В беде самое дорогое – дети! Понятно, что нужна срочная помощь. А для этого необходимо разобраться, что это за беда, откуда она, кто и для чего ее несет. Газета привлекла массу специалистов, организовала множество встреч, провела тьму опросов. Каковы же выводы? Они, к сожа-

лению, неутешительны. Я бы даже сказал: опасны. Ибо ошибочны в главном. Следовательно, нужного результата от них не получить, а искренние суетливые, но бесполезные усилия лишь создадут видимость борьбы с бедой, тогда как она – беда – будет под этой сенью успешно разрастаться.

Главный враг, по версии газеты, обнаружен и заявлен сразу: «С детьми в социальных сетях работают системно и планомерно...». Далее журналист развивает мысль: «Но кто эти люди: духовные уроды, маньяки, сектанты, фашисты? Это первый вопрос, который возникает сразу. И второй: для чего? Версий много. Мы не знаем, какая из них верна. Все, что мы знаем теперь абсолютно точно, так это то, что с детьми планомерно и четко работают взрослые люди...». И громкий акцент словно бы в подтверждение этого: «Существует огромное сообщество многочисленных групп в социальной сети «ВКонтакте», как закрытых, так и открытых, подталкивающих детей к суициду. Только в одной из них 239 862 подписчика».

Сколько в этом шестизначном числе возможных трагедий? А «ВКонтакте» – это ведь только одна «авоська»,

которой доверили свои неокрепшие души наши дети и внуки. Их же, этих «авосек», – легион. И у каждой – свой манок. И в каждой знают, как найти и надавить на ту чувствительную точку, после чего совершится необратимое. Кто-то откроет окно и «выпилится» вниз с девятнадцатого этажа. Кто-то положит себя под колесо электрички. Кто-то поставит будильник на 4.20, чтобы, проснувшись от звонка, свести счеты с жизнью точно минута в минуту.

Не нужно думать, что все делается на хип-хоп: подсказал, мол, и готово! Есть изощренные, разнообразные способы вовлечения детей в игры со смертью. «Душеспасительные» диалоги. Чувствительные объяснения в любви. Уверения в том, что мир и люди в нем омерзительны. «Я понимаю тебя как никто» – это тоже действует. Есть различные многоуровневые игры (все, разумеется, виртуально), и подросток, «совершенствуясь», переходит с одного уровня на другой. А бывает и так: «Мальчик лет 15–16 подходит к барьеру высокого моста. Смотрит вниз, не решается... Тут же с двух сторон появляются два молодых человека. Один из них слегка приподнимает подростка и буквально толкает – мальчик летит вниз. Молодые люди поспешно уходят. Сначала очень быстро идут. Потом бегут» (цитата из «Новой газеты»). И это, между прочим, снято на видео. Как понимать? Значит, кто-то знал, кто-то специально готовился...

Еще цитата из статьи: «Кто все это делает? Мы видим только краешек поверхности айсберга, мелких бесов, обслуживающих какую-то чудовищную систему, и не знаем, кто Воланд».

Стоп! То, что для журналиста общее место – привычное объяснение непонятного и пугающего какой-то «бесятиной», в действительности и есть то невидимое содержание, что заполняет пробел между первым и вторым абзацами. Но скажи об этом автору публикации – если хорошо воспитан, сочувствующе вам улыбнется, как слабоумному, а нет – так посоветует обратиться к психиатру. И если бы так считал один только журналист...

Надо отдать должное, «Новая газета» подошла к исследованию проблемы основательно. Естественно, в рамках своего миропонимания, которое мало

чем отличается от присущего большей части современного общества. В чем оно, это миропонимание? Ответ на удивление прост и своей концепцией, и своей конструкцией: человечество все дальше уходит от Бога и считает, что это правильно. Отсюда вообще все беды, и та, о которой мы сегодня говорим, не исключение.

Нет более безошибочного и потому более привлекательного способа погубить душу человека, чем привести его к самоубийству. Если искушению подвергся даже Сам Иисус Христос, что уж говорить о нас, простых смертных? «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Мф. 4:5–6). Сегодняшние трагические сценарии детских суицидов словно заимствованы из текста Евангелиста. Впрочем, почему заимствованы? Автор все тот же – вечный сценарист-искуситель, падший Денница, неумный мститель Господу за свое низвержение. Просто сегодня другие реалии, суть же – одна (см. начало абзаца).

Дети всегда были любимым объектом атаки темных сил. Во-первых, чистота особенно привлекает тех, кто по определению чернит и загаживает все вокруг, а дети как раз и есть носители чистоты. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, дети острее реагируют на вторжение в их жизнь чего-то инородного, противного их пока еще не очень замутненной душе. Это как организм с сильным иммунитетом: он бурно восстает, прямо-таки бунтует против инфекции. Его бы поддержать, укрепить духовно, но современный человек, человек постхристианской эпохи, самодостаточен настолько, что даже мысль о возможных собственных немоощах ему глубоко противна. Он ослеплен своими, как он убежден, безграничными возможностями.

Этот своего рода постмодернистский нарциссизм сегодня практически во всем. От «Ледникового периода» и «Танцев со звездами» до управления боевым истребителем высоковластным дилетантом и публичной демонстрации своих художественных полотен

чиновницей-воровкой. Так постепенно исчезает сакральность профессионализма, а когда уходит тайна мастерства, следом, согласитесь, размывается и само мастерство. Образно говоря, кухарка продолжает управлять государством (В.И. Ленин). В итоге порядка ни на кухне, ни в стране.

Нет, я не ушел от темы. Именно гордыня, уверенность в своей безупречности, то, что в святоотеческом учении называется *самостью*, побуждают человека открывать причины неурядиц не в себе в первую очередь, а искать – и находить! – недругов, происки, извиняющие обстоятельства и тому подобное. Как угодно, но только вывести из-под ответственности себя! В нашем случае это «какие-то люди... маньяки, фашисты...» и пр. До чего просто: нашел врага – решил половину проблемы, убрал врага – решил вторую половину. Даничего подобного! Потому что не того и не там ищем. Может, среди тех злодеев, что провоцируют детей, и есть один-два маньяка, но в принципе они – всего лишь инструмент, послушные исполнители воли, посредники между диаволом и ребенком.

Но давайте посмотрим, как все это оценивают и квалифицируют специалисты.

Владимир Снигур, психотерапевт, гипнотерапевт: «Мы имеем сетевое пространство, где публикуются материалы определенного рода: они увязывают между собой темы, близкие подростковой психике и современной подростковой субкультуре, с темой суицида; эксплуатируют идеи одиночества, грусти, безысходности и собственной исключительности <...> могут действовать как косвенное гипнотическое внушение <...> Не знаю, кто и зачем делает это. Вполне возможно, это кучка депрессивных подростков, но все может быть куда сложнее. На самом деле это весьма папахивает сектой: есть своя скрытая философия, атрибутика, символика, есть прихожане, а значит – должен быть свой лидер».

Все, действительно, куда сложнее, в чем я могу согласиться с уважаемым специалистом. Вот только сложнее с кем? Мне кажется, – со взрослыми. С их одномерным взглядом на причинно-следственные связи происходящего в этом мире. Грусть, безыс-

ходность и прочие депрессивные эмоции могут привести к суициду, но откуда берутся сами они, эти эмоции? В православном вероучении уныние – тяжкий грех. Он сродни чуть ли не хуле на Духа Святого. Ибо уныние значит недовольство Промыслом Божиим. Несмирение. Строптивость. Верующее, воцерковленное дитя это знает и, понятно, не захочет впускать этот грех в себя. А случится – есть исповедь, разрешение от грехов. Есть таинство Соборования, таинство Причащения. Много чего есть в Церкви для спасения человека. Да она вся для того, собственно, и существует. Вот только ее взрослые, неразумные дети принять это не хотят. А мнят себя мудрецами...

Еще мнение. Алексей Лавров, Восточно-Европейский институт психоанализа: «Подобный манипулятор может быть как психологически нездоровым, так и нравственно ущербным. По сути, это преступник, который посягает на личную безопасность. Возможно, он испытывает кайф от процедуры порабощения, имеет потребность поработать других, не неся за это никакой ответственности».

Оксана Лаврова, преподаватель того же института: «У Сэлинджера в книге “Над пропастью во ржи” есть взрослый, который бежит и ловит детей, которые могут упасть в пропасть. А наши дети, которые в эту воронку попали с сайтов-убийц, не встретили такого взрослого... Подросток остался без опоры. А что ему делать со смертью? Ему кажется, что можно с ней играть. То есть ему ничего не предложили взрослые взамен – ни христианской модели, ни какой-нибудь иной. И он думает: ну да, если все так бессмысленно, зачем жить?».

Елена Вроно, детский психиатр, член правления общества семейных консультантов и психотерапевтов:

«Дети и младшие подростки (совсем не дураки и не дурочки) полагают, что смерть – это не вполне конец жизни». Эта фраза «специалиста № 1», как ее называет «Новая газета», заслуживает того, чтобы на ней остановиться отдельно. Как же мы, взрослые, не понимаем ни детей, ни того, что творится в их душах! Ощущение того, что жизнь смертью не кончается, не зависит от уровня интеллекта. Это сознание детской души, которая еще не успела открыться коростой «жизненного опыта», которая еще хранит в чистоте то, что вдохнул в нее Господь. Просто неверующее дитя не знает, что самоубийством оно обрекает свою душу на вечные мучения. Но кто ему об этом скажет? Современные взрослые?..

Право, не знаю, чего в нас больше, когда мы общаемся с детьми или обсуждаем их проблемы. Чего больше – неведения или лукавства? Хочу вернуться к предыдущей цитате – к тому, что взрослые ничего не предложили оставшемуся без опоры подростку взамен – «ни христианской модели, ни какой-нибудь иной». Что называется, приехали! А то, что христианской модели (по терминологии Оксаны Лавровой) уже больше двух тысяч лет – это как? Будем честными: взрослый мир, особенно в последнее время, все настойчивее выводит Бога из мира детского. Светскость государства, чем так гордится человечество, отделение школы от Церкви, за соблюдением чего бдительно следят продвинутые гуманисты, – сомнительные достижения на пути общественного прогресса. Да и прогресс ли это, полноте? Удаление от Первообраза – какой же это, помилуйте, прогресс? Что же до отсутствия какой-нибудь иной модели вместо христианской, о чем сокрушается психолог из Санкт-Петербурга, – она есть, и взрослые ее-то как раз предложили подростку. Думаю, не трудно догадаться. У альтернативы выбор невелик – или ты с Богом, или... сам знаешь, с кем. Третьего не дано.

Как ни горько, одним воздухом с медицинским дышит и мир педагогический. Проблема влияния информационных технологий на здоровье детей обсуждалась на координационном совете Российской академии образования (РАО) и Отделения медицинских наук

большой академии. Уровень – выше некуда. И вот что прозвучало с этой высоты.

Марьяна Безруких, директор Института возрастной физиологии РАО, академик: «Не может быть благополучным ребенок, мать или отец которого находятся в депрессии, а сегодня это состояние очень распространено. Второй фактор – чрезвычайно высокая учебная нагрузка, которая в средних и старших классах не меньше 10–12 часов <...> Наконец, третий, а возможно, по значимости первый фактор – неподготовленность и грубые ошибки учителя в работе с детьми. И дело не в том, любит ли он или не любит детей...». Последние слова академика, честно говоря, вызвали во мне оторопь. А если, не дай Бог, так считает вся педагогическая наука? И хочется спросить уже не только академика: если «дело не в том» – то в чем? Давно ли перестало иметь значение, любит ли учитель своих учеников? Любят ли родители своих детей? И нужна ли она вообще, эта любовь? Ведь мы живем в эпоху рынка и обитаем в сфере преимущественно платных услуг.

Анна Портнова, руководитель отдела детской психиатрии Института им. Сербского: «В том, что происходит с детьми, виноваты мы, взрослые. Ребенок, который приходит к суициду, он одинок, у него проблемы со сверстниками, у него нет поддержки в семье и не с кем поделиться и выплеснуть свои эмоции – и потому он идет в группу. Никому не приходит в голову обратиться к психологу, если возникают проблемы. Родители часто даже не замечают депрессии у ребенка».

Сергей Казарновский, директор московской школы «Класс-Центр»: «Покорение сегодняшних родителей очень щепетильно относится к индивидуальным границам детей: нельзя читать их

дневники, письма, нельзя влезать в их переписку в интернете. Неужели перешагнуть через эти не так просто выращенные ценности?».

Я поставил эти две цитаты рядом, чтобы показать, насколько близки друг к другу в своих воззрениях и выводах их авторы и насколько оба далеки от того, что Христос назвал единым на потребу (см. Лк. 10:42). Портнова справедливо винит взрослых, но не говорит, в чем их вина. Скорее всего, просто не знает, как не знает, что надо бы обратиться не только к психиатру, но и к священнику. Взрослые люди живут в мире искаженных понятий, который сами же создают. И, окуная в этот мир детей, не понимают, что они – дети – всего лишь их – взрослых – отражение: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16).

Люди, чьи высказывания я привожу, бесспорно высокочеловеческие специалисты и, не сомневаюсь, вполне добропорядочны. И делу своему служат честно, и намерения у них самые благие. То есть это те, кого с полным правом можно отнести к модной ныне классификации – к элите. Наверняка большинство из них, если не все, чадолюбивые родители – стало быть, поверяют свои воззрения и умения еще и личным опытом. Не будет ошибкой утверждать, что именно такие люди, в какой бы сфере они ни находили себе применение, решительно влияют на формирование личности и общества в целом.

Радоваться этому или огорчаться? Вопрос из разряда риторических, то есть не требующих ответа. Филолог, правда, может меня поправить: раз предлагается выбор, ответ нужен. Но я считаю: ответ не нужен в силу его очевидности, что составляет главный признак риторического вопроса. А очевидность в том, что надо огорчаться. Мы, взрослые, конечно же любим детей. Своих – больше, не своих – меньше. Но любим всех. И это заложено в нашу природу Творцом, а если у кого-то вдруг сбой – это попущение Божие, а нам – разбираться: для чего и с какой целью?

Сегодня наши дети в большой беде. Смешно винить в этом информационные технологии, социальные сети, экономическую неустроенность, экологию и пр. Все названное, конечно, имеет значение, но значение не решающее, и большой бедой это не назвать.

А большая беда наших детей в том, что мы, взрослые, повторюсь, уводим их от Бога, от всё того же единого на потребу, что может помочь устоять в этом «прекрасном и яростном мире» (Андрей Платонов).

Мир будет продолжать меняться, и по-прежнему не только в лучшую сторону. Происходить это, наверное, будет так же разнообразно: когда – скачками, как, допустим, появление интернета, а когда – постепенно – с безобидных болельщиков на стадионах до нынешней дикой орды футбольных фанатов. А так как человек – существо консервативное, а консерватизм заложен в нем в виде так называемых базовых ценностей, или, проще говоря, в виде образа Божия, ему всегда будет неуютно в этом изменчивом мире. И как быть? Насколько возможно сохранять, по апостолу Павлу, «свою деву», то есть ту духовную чистоту, что заложена в нас Творцом.

Нынешний кризис человечества – отчужденность. Это, пожалуй, самый сильный антагонист его сути. Мы – как вид – изначально существа артельные (по-нашему – соборные). А многое в мире, между тем, лежит поперек. Парадокс в том, что мы сами и авторы. Расселились из клоповников-коммуналок в благоустроенные квартиры – правда же, радость? А сегодня уже не знаем тех, кто живет на одной с нами площадке. Заборы высотой в два метра, молчаливые охранники возле шлагбаумов – так выглядят сегодня пригородные поселки. Электронная очередь избавила от необходимости хотя бы спросить: «Кто последний?». Записался через интернет к врачу на определенный час – конечно, удобно, но молча пришел, молча же и ушел. Автомобили в семье – часто у каждого свой: разные маршруты, разный режим работы, все разное...

Но человек – существо многомерное, даже не 3 и не 4D, – куда сложнее. Например, артельный, с одной стороны, и непредставимый без одиночества – с другой. Единственный из земных тварей, кому одиночество осмысленно необходимо.

Мы уже говорили, что ребенок все воспринимает острее взрослых. В том числе и тягу к общению. Социальные сети – как раз тот случай, когда, чуть перефразируя поэта, в одну телегу впрячь

возможно коня и трепетную лань. Ты одновременно и один в комнате, спиной к входной двери, лицом к лицу с бесстрастным монитором, или склонился над ноутбуком, и в то же время окружен десятками, сотнями френдов из «Одноклассников», «Твиттера», «Линкедина», «Фейсбука» и еще бог знает откуда. Число аккаунтов, то есть пользователей, у самого скромного – 40 с небольшим миллионами, у гиганта – зашкаливает за миллиард. А еще сайты, порталы – тех вообще не счесть. Маньяков и злыдней, на кого мы от собственного бессилия все списываем, на всех просто не хватит. А проницательному врагу рода человеческого они и не очень-то нужны. Нынешнее людское племя, по уши погрязшее в собственных самостях, без того лезет к нему в лапы. Надо просто чуток организовать его и направить по «нужному» следу. Что и происходит.

Сериал «Новой газеты» вызвал большую ответную волну. Тему подхватили многие другие средства массовой информации, что обычно не принято в журналистском сообществе: идти в чужом фарватере считается дурным тоном. Но этот случай – из ряда вон. Погибают дети. Погибают страшной смертью. Сколько это будет длиться? Как предотвратить?.. Если бы не трагический окрас проблемы, иные публикации выглядели бы смехотворно – настолько они беспомощны, примитивны и банальны. Их пафос можно свести к двум-трем позициям: а) детей в семье недолюбили; б) куда смотрит школа; в) во всем виноват интернет; г) есть люди, которые направлены этим занимаются; д) нужно создать специальные комиссии и другие органы. Конечно же, нужны и комиссии, и другие органы, и школе надо смотреть куда надо... Но!

Человеку, не вооруженному верой, вступать в борьбу с бесом опасно. Уже на что святые при жизни, и те порой оказывались повержены. Что же обычным людям, да еще безверным? Но бес бессилен (простите неуклюжий каламбур), если человек не захочет впустить его в себя. А это доступно только верующему. Потому что бес бессилен (опять!) перед крестом. И всесилен там, где креста нет. Мир стоит на любви к детям, кто бы спорил. Но беда, если эта любовь слепа, если это любовь слепых. Не пора ли прозреть?

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Александр Викторович Воробьев</i> пенсионер 	<i>Евгения домохозяйка, мама двух детей</i> 	<i>Феодор художник</i>
Что сегодня больше всего угрожает духовному благополучию наших детей? Слепая любовь или равнодушие родителей? Улица? Интернет?	Равнодушие родителей к воспитанию. Это ведет к опасностям со стороны улицы, интернета и всего прочего.	Все вместе, потому что все эти факторы влияют – и улица, и интернет, но родители прежде всего.	Интернет и, я добавлю, телевидение.
Возможно ли это победить или хотя бы уменьшить опасность? Или все безнадежно?	Не сомневаюсь, что обязательно все это будет побеждено.	Надо в первую очередь молиться за детей. Стараться, чтобы они поменьше в интернете сидели, оберегать от плохих знакомств. Без Бога мы победить не можем.	Это контент. Современные технические средства позволяют изменить телевидение и интернет к лучшему.
Запрет, убеждение или личный пример – что должно быть главным принципом воспитания?	Личный пример – главный принцип воспитания. Это тоже убеждение. Запретами ничего не сделаешь.	Главным должен быть личный пример, затем убеждение, а запрет – это крайняя мера.	В воспитании личности должно быть заложено много принципов. И все они главные.
Нашим детям угрожают некие злые люди или это темные силы действуют через них?	Темные силы точно действуют на людей – соблазны, безнаказанность и безверие, а может быть, и вера в темные силы.	Где-то, может, и люди недобрые, но в любом случае ко всякому злу подстрекает сатана.	Тьма всегда угрожает свету... она просто не может по-другому. И угроза не только нашим детям, но и нам.
Только Бог, только вера могут уберечь ребенка от соблазнов мира сего. Согласны ли вы с этим?	Только Бог может уберечь ребенка от соблазнов мира. Чем ближе к Богу, тем лучше воспитание, больше гарантия от всяких соблазнов. Вера – это главное.	Только вера во Христа, исполнение Его заповедей могут уберечь от соблазнов.	Да, это закон. Это правило. С правилом нельзя быть несогласным. Это не логично.
И прежде всего родители должны научить этому своих детей. Как вы считаете?	Прежде всего родители должны научить детей вере, справедливости, идти за Богом.	В первую очередь родители. А затем организации при храме. Хотя бы какие-то нравственные устои воспитывать.	Ответственность за обучение ребенка правилу лежит целиком на родителях. Все остальные структуры призваны помогать обучению юной души.

<i>Татьяна Николаевна пенсионерка</i>	<i>Михаил продавец</i>	<i>Сергей Авдеев системный администратор</i>	<i>Николай Серафимович пенсионер</i>
			
Слепая любовь и равнодушие родителей. Туда же я пририсовала бы интернет. Начинать надо с родителей.	Если родители сами духовно не растут, что они могут дать детям? Сейчас никто не понимает, кто должен этим заниматься. Школа с себя эти обязанности сняла.	Равнодушие родителей.	Равнодушие родителей. Все зависит от родителей, как воспитывают.
Возможно, конечно.	Если человек считает себя верующим, он обязан делать какие-то действия, давать правильный духовный вектор своим детям.	Как победить равнодушие? Любовью.	Возможно.
Убеждение и личный пример.	Личный пример.	Личный пример и объяснение, почему что-то сделано так, а не иначе.	Убеждение и личный пример.
Не знаю, как ответить.	Когда семья верующая, то некие темные духовные силы пытаются свести ее с этого пути. Так что они угрожают.	Нашим детям не хватает знаний и опыта родителей. Поэтому родителям надо по возможности быть рядом и не выпускать детей из поля зрения.	Люди. Все от людей зависит.
Не берусь судить. Я знаю одну семью с мальчиком. Он ходит в воскресную школу, на службы, но за пределами церкви – оторви и брось.	Я как христианин уверен, что только воспитание во Христе, в вере способно победить все эти соблазны.	Но только без фанатизма!	Вера и Бог помогают.
Я считаю, что родители.	Прежде всего родители должны взять на себя духовное воспитание своих детей.	Безусловно, родители.	Только родители должны научить своих детей.

Восставший из руин

10 декабря, в день престольного праздника храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, отмечается 25-летие возвращения храма Русской Православной Церкви и восстановления прихода. Настоятель протоиерей Георгий Полозов, который здесь с первого дня, вспоминает, как все это было. Предлагаем вашему вниманию в этом и в следующем номерах фрагменты будущей книги.

Выход книги «Восставший из руин» приурочен к праздничному событию.

Так начиналась новая биография храма

Могу сразу сказать, что и сейчас, спустя 25 лет, я буквально чувствую ту необыкновенную милость Божию. То, что я незаслуженно занимаю это место, — понимаю, само собой, но то, что Господь попустил мне все это начать, продолжить и завершить вопреки моим ошибкам и даже глупостям, наполняет мое сердце такой благодарностью Творцу за Его безграничную и неизбывную щедрость и любовь!.. Ведь я получил необыкновенно, в тысячу раз больше того, что попытался сделать сам.

Я бы погрешил против правды, сказав, что всегда мечтал восстанавливать храмы. Но то, к чему я действительно стремился, логически привело меня на церковную строительную площадку. Поясню. Я никогда не стремился жить в шумных, больших городах, тем более в центральной их части. Всегда хотелось куда-то на окраину или даже за окраину. Разумеется, не оставляя при этом служения. А чем дальше от центра — тем меньше благоустройства: закон обший. Значит, и храмы там плохонькие или вовсе разрушены: десятилетия богоборчества не прошли даром. вывод напрашивается сам: хочешь чего попроще — ищи и приход под стать. В то время недостатка в таких адресах, к сожалению, не было: большевики «постарались». Просто мои возможности были ограничены. Я служил четвертым-пятым священником. Это были 1989–1991 годы. Власть старалась наглухо отгородить от Церкви народ, ставила всевозможные препоны. Староста, а это, как правило, был или ставленник, или сотрудник спецслужб, просил, например, сокращать службу 7 ноября («чтобы не мешать демон-

страции»), а во время богослужения в этот день не позволял в колокола звонить. Даже ходить в рясе не одобрялось. А я был всегда в облачении. И не нарушал присяги диакона и священника — не брить бороды, не стричься. Даже порой задавали вопрос:

— А зачем ты так ходишь?

— Как зачем? Вы же солдата не спрашиваете, почему он в гимнастерке или в шинели.

Нельзя было заниматься благотворительностью, организовать приходскую библиотеку. Если священник произносил проповедь, то это было не классическое церковное Слово, а скорее политинформация о текущем моменте. Иное не позволялось. Все это, конечно, очень тяготило. Я уже говорил, что мне не нравилось жить в Москве, а вот куда-нибудь в Подмоскovie... Рядом с моей дачкой был разрушенный начала XIX века храм. С такой ротондой, красивыми колоннами. И я загорелся идеей его восстановить.

И так счастливо совпало... Только я заикнулся о своем желании, как буквально тут же пошла волна — стали отдавать храмы. Москве вернули 125 храмов. Но это радостное событие имело огромное обременение. Можно было представить, в каком состоянии было большинство этих церквей! Каждому благочинию надо было найти людей, которые могли бы взять на себя эту гигантскую работу. Мой благочинный, протоиерей Анатолий Новиков,

не то чтобы отговаривал меня, но, зная мой порывистый нрав, советовал быть осмотрительным. Он был участником Великой Отечественной войны, десантником, тяжело ранен несколько раз, то есть знал почем фунт лиха. Он мне говорил: «Вот тебе собираются храм давать, но ты съезди, сперва посмотри, что тебя ждет». Думаю, он беспокоился обо мне, о том, чтобы я не надорвался.

С отцом Анатолием мне довелось служить не очень много, чуть больше трех лет. Но чисто по жизни он мне дал так много, что от другого не получишь и за полвека. Высокий, стройный, с армейской выправкой, он обладал прекрасным музыкальным слухом, играл на пианино, был иподиаконом у патриарха Алексия I. Он не читал длинных нравоучений, а, во-первых, как говорится, вразумлял личным примером и, во-вторых, давал только один совет:

— Вот так всегда поступай, а так никогда не делай.

В этой простой фразе и заключалась вся его философия и весь подход к жизни. Я усвоил его совет на всю жизнь. Жаль, что не всегда получается ему следовать. У меня и сегодня болезненно сжимается сердце, когда я вспоминаю, насколько этот необыкновенный человек был бесправен перед «обычным» церковным старостой.

Умер отец Анатолий, как и подобает солдату и воину Христову, на боевом посту, в храмовый праздник первоверховных апостолов Петра и Павла, ле-

том 1993 года. Из-за больного сердца он всегда служил с помогающим. Был один или два случая, когда я заканчивал службу вместо него. В такие минуты я испытывал какое-то особое, дополнительное чувство, которого не бывало, если служил всю Божественную литургию сам. Это была какая-то особая ответственность. Как в песне: «за себя и за того парня».

...Что и говорить, священству тогда доставалось по полной. В известной книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» очень много деталей, описывающих особенности того времени, но у каждого из нас были еще и свои характерные мелочи.

То время... Я и в зоны ездил, и в Лефортовскую тюрьму ходил – крестить заключенных. Был случай, когда начальник тюрьмы даже держал венец над подсудимым. Невеста этого человека сказала начальнику тюрьмы, что хочет повенчаться.

– Никаких венчаний, никаких священников! – отрезал тот.

– Тогда у вас каждую субботу здесь будет стоять раввин.

Он говорит:

– Никакого раввина не надо, пожалуйста.

Она сама работала в системе исполнения наказаний и прекрасно ее знала. Я выпросил для них еще 40 минут свидания.

Если это лирическое отступление вызвало у вас улыбку – и слава Богу! Для меня лично моя активность имела последствия не столь благостные. В храме, где я служил, – апостолов Петра и Павла в Лефортове, не всем было по сердцу мое разнообразное служение. Бывало так: совершил какую-то требу, мне деньги приносят, своя же монахиня увидела, что мне дали деньги, доложила старосте. Тот подходит:

– Это деньги церковные, вы должны положить их в кружку, либо я их вычту из вашей зарплаты.

Короче, чаша терпения переполнилась у нашего старосты, и он решил от меня избавиться. Как? Отправить на «графские развалины» (вспомним книжку нашего детства), то есть бросить на восстановление какого-нибудь храма, тем более что я к этому стремился всегда. А в переводе на понятный язык – чтобы я отсюда исчез.

Есть великолепная русская поговорка: «Бабы каются – девки замуж собираются». Это обо мне. Она прямо точно попала в яблочко.

В Ховрино я приехал на электричке. Самое интересное, что еще раньше, почти за десять лет до этого, я проезжал мимо этого оскверненного храма. Здесь жил переплетчик, и когда я был алтарником в храме на Антиохийском патриаршем подворье в Телеграфном переулке, то возил ему церковные книжки переплетать. И вот я опять в этих краях, но с совсем другой целью. Я даже не мог себе представить, насколько этот несчастный храм был обезображен. Без слез смотреть на это было невозможно. Какая-то кирпичная коробка с напыленной непонятной бесформенной шапкой-крышей. Его можно было принять за мавзолей, саркофаг, только не за Божий дом. Обнесено все это ужасным обезображивающим деревянным забором. Так, верно, и должно выглядеть мерзость запустения.

Это было летом 1991 года. Решением Моссовета Знаменский храм в Ховрине в числе 125 московских храмов возвращался Русской Православной Церкви.

На территорию храма можно было попасть со стороны Фестивальной улицы через деревянные ворота. Там была проходная и сидел сторож-старик. В сторожке была печка, и на ней всегда стоял огромный казан, в котором варилась свиная голова на холодец. Дед в этой камерке жил, окруженный дымом махорочной самокрутки и запахом свиной головы.

С одной стороны, не поворачиваясь язык назвать храмом то, что я увидел. Но с другой – храм есть храм, даже если от него остался один освященный кирпич. Я вошел вовнутрь. Меня встретили различные остовы машин, какие-то конструкции, эстакады, горы мусора и шлака. Пристройки со всех сторон, назначение которых не понять. Пробоины какие-то в стенах, проломы, куда были вставлены дверные коробки. Вход на паперть заложен.

Здесь располагалась очень хитрая организация. Она была наделена исключительным правом проверять точность весов в магазинах рыбной торговой сети «Океан». Крохотная конторка,

а от нее зависело благополучие всего океана этих самых «Океанов». За то, чтобы повесить пломбочку на весы – все, мол, в порядке, им платили деньги. Сколько – не скажу, потому как не знаю. Думаю, шибко богатым воображением тут обладать не нужно. Словом, директор той самой хитрой конторы использовал здание храма как склад, натаскал туда ворованное – всё что только можно и нельзя: токарные станки, машины, металл какой-то дефицитный, алюминий, профили, прокат, плитку, краску. Здание было забито под завязку. Зато отопление разморожено, канализация и водопровод разрушены, уцелело только электроснабжение – единственное, что осталось от предыдущей организации – завода слепых, который уже был ликвидирован.

По природе своей я не из безоглядых храбрецов. Однако взялся за дело без страха. Я был настолько рад свалившейся на меня свободе – возможности активно действовать, знать, что все зависит от тебя – и успех, и поражение, отвечать за свои поступки, – что эти чувства, объединившиеся в единое понятие свободы, оказались сильнее страха. Хотя испугаться, если честно, было от чего. Увидев и осознав, что предстоит сделать, я понял, что личный опыт строительства, на который я наивно возлагал надежды (я строил я всего лишь свою дачку), выглядел, как... даже трудно подобрать сравнение... как лепка куличиков в детской песочнице. И я пошел к отцу Матфею Стаднюку.

Отец Матфей – это отдельная история. Это батюшка такой, церковный Мафусаил наш, который пережил патриархов Алексия I, Пимена, Алексия II, который, можно сказать, управлял церковной Москвой, был правой рукой Святейшего. У него была приемная в Чистом переулке, в резиденции патриарха, в особняке, где прежде располагалось немецкое посольство. Очень деликатный и добрый, отец Матфей всегда просил: «Приходите без матушки». Почему? Потому что обычно к нему являлись отцы за новым назначением. И когда заходил разговор, что вот вам указ о переводе на другой приход, матушки начинали плакать: «Почему моего батюшку переводят, за что?». Отец Матфей всегда

Середина 90-х годов. Клер храма: иереи (слева направо) Георгий Лылов, Андрей Полторацкий, Георгий Полозов, Борис Куликовский

мудро купировал эти ситуации: «Приезжайте без матушки». И все.

Перед этим наш благочинный, протоиерей Анатолий Новиков, осторожно посоветовал:

— Тебе предлагают ховринский храм, посмотри.

Посмотреть-то я посмотрел... Но выбирать не собирался. Да и выбора, если честно, не было. Потому я тоже отправился без матушки, не особо сожалея об этом.

...И вот маленький входик, второй этаж, небольшая приемная секретаря Святейшего Патриарха — отца Матфея. Время, проведенное в приемной, никогда нельзя считать потраченным зря. Перед тобой проходит вереница людей, за каждым своя судьба, свои проблемы, с иными наскоро познакомишься и увидишь, насколько они интересны и глубоки, неожиданно встретишь знакомого, которого давно не видел, узнаешь последние «неформальные» новости...

Словом, чувствуешь, как буквально прибавляешь в весе от полученной информации и испытанных чувств. А сколько раз, прикоснувшись к той или иной человеческой коллизии, я вспоминал отца Анатолия Новикова и его главную формулу жизни: «Вот так поступай, а так никогда не поступай!» Перед тобой словно проходит балзаковская человеческая панорама. Чем больше сидишь, тем больше набираешься мудрости, сразу начинаешь про себя Иисусову молитву читать... А дождавшись своей очереди и получив справедливый или несправедливый разнос, понимаешь, что все в руках Божиих — через Его достойного представителя — отца Матфея.

— По благословению Его Святейшества, его Указом вы назначается настоятелем храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, — слышу я слова отца Матфея. И добавляет как бы за рамками протокола: — Который вам предстоит восстановить.

— А деньги будут? — спрашиваю я.

— Какие деньги?

Мне так понравились его простые наивно-удивленные слова! Я только и сказал:

— Тогда я буду сам старостой.

Уж я-то знал, что такое иметь старосту, который тебе будет только мешать. А гарантии, что достанется ангел, сами понимаете, не было никакой. Сразу же возникла еще одна серьезная проблема. Одновременно служить в храме, расположенном в Лефортове, и заниматься восстановлением храма в Ховрине — это стопроцентно завалить и то и другое. Я сразу взял отпуск за свой счет и таким образом хотя бы развязал себе руки. С помощью местных депутатов с большим трудом все же удалось выгнать из храма ту хитрую контору. Как это происходило — чуть позже. И уже 10 декабря 1991 года, в день иконы Божией Матери «Знамение», мы служили праздничный молебен. При-

ехал благочинный Всехсвятского благочиния, куда мы тогда входили, протоиерей Стефан Пристая. Отец Георгий Изай, который теперь у нас служит, привез с собой икону «Знамение» – как благословение на открытие храма. Служим. Отец Стефан переминается с ноги на ногу. Я смотрю: на нем – легкие полуботиночки, а у нас пол асфальтовый и отопления нет. На календаре – десятое декабря, как я уже говорил. Так началась наша жизнь здесь.

Церковь, как все мы знаем, слово женского рода. Невольно задаешься вопросом: не оттого ли и женщина занимает в Церкви особое место? В целом ряде вопросов, связанных с Церковью, между мужчиной и женщиной не предусмотрен знак равенства, что однако же не означает их неравноправия. Смысл в ином: у мужчины, как и у женщины, есть свое, особое место в Церкви (как и вообще в жизни), и они, эти места, не взаимозаменяемы, хотя и равновелики. Я знаю точно: в Церкви без женщины – никак. В этом я убедился и с первых дней моего прихода в Ховрино. Я понял, что без них, без наших православных женщин, ничего не смогу. Все держалось на них.

Этим летом в возрасте 86 лет отошла ко Господу Надежда Яковлевна Галаева. Будучи инвалидом первой группы, она все равно не отлеживалась дома. Зимой поверх обуви, чтобы не скользить, надевала носки и шла в храм. На удивленные вопросы отвечала: «Иду батюшке помогать». И помогала! Как могла. Чем могла. И не от случая к случаю, а каждый день. Например, готовила обед, а это же невозможно делать раз в неделю.

Втрудную пору становления кто приносил яичко, кто – помидор, яблоко, огурец, несколько картофелин, свеколку – это был мой обед. Я служу литургию и слышу: шваркает на сковородке яичница, запах идет. Такая была жизнь.

Вспоминается потрясающий случай: март месяц, снег давно растаял, а две женщины на санках тащат мешок цемента. На станции Ховрино опрокинулась платформа, и они набрали мешок и везут его для храма. Скрип по асфальту. Ужас!

Вначале воду для крещения привозили из соседних домов ведрами, ка-

нистрами, баками, потому что не было водопровода.

Раз в месяц приходила старушка, которая приносила бутылку самогона и жареную курицу – все, что она могла дать. Так что ежемесячно у нас бывал вкусный обед, а самогон, сами понимаете, – тверже любой валюты.

Была женщина, которая, увидев, что в храме нет колокола, продала свою квартиру, себе купила меньшую, а оставшиеся деньги пожертвовала на покупку колокола. Кто такая? Только однажды, когда я назвал ее по имени, она смущенно поправила: «Я – Клавдия». И это все, что мы знали о ней. Утешает только, что Бог знает всех и обо всех.

Встречались люди, которые просто останавливались и помогали. Эти женщины всегда шли рядом. Я бы сказал, что это жены-мироносицы. Тем, что они делали, они по-своему действительно шли за Христом.

Отдельный рассказ – это Аннушка, сборщица денег, человек фантастический, необыкновенный. Она пришла к нам одной из первых. Вначале пела в хоре, читала. А потом у нее пропал голос (я имею в виду способность к вокалу). Но порывать с храмом она не хотела и решила делать то, что в ее силах. Она стала собирать пожертвования. Аннушка сама нашла место на Тушинском рынке и стала продавать нашу газету «Лампада». Она не просто стояла с ящиком для денег, она пела все время какие-то тропари, молитвы, она к каждому человеку подходила, обходила всех людей, которые там торговали. Теперь бы назвали это мощным продвижением нашего храма.

В то время люди, которые собирали деньги на храмы, встречались нередко и в автобусах, и в метро. Кто-то из них на самом деле трудился во славу Божию, а кто-то только этим прикрывался... Всякое бывало. Случалось, к нам приезжали какие-то люди, интересовались:

– Это ваша старушка?

Я говорил:

– Да, наша.

– Тогда все нормально.

Ее знал весь рынок. Там было очень много разного народа, встречались и бандиты. Ее уважали все. Эта женщина в любую погоду каждый день стояла там. Ну прямо как часовой у Мавзолея.

– Отец, ты мне дай побольше, побольше газеты. У меня все ее спрашивают.

Говорок у нее окающий, вологодский:

– Отец, пошей мне стихарь тяжелый, черный, с бархоту, чтобы все видели, что я церковная.

Мы действительно сшили ей стихарь, и она в нем продолжала нести свое служение. В одну страшную летнюю жару она стояла в нем, с ней случился удар, инсульт, и она слегла.

У нее была семья, семеро детей. Она была очень верующая, вся семья была благочестивая. Были очень забавные случаи. Она увидела, что у моей жены была, как ей казалось, юбка короткая. Она пришла домой:

– Девки, давайте соберем матушке на юбку, короткая она у нее.

Она лет десять каждую неделю приносила в храм миллион рублей (разумеется, по старому курсу). Для нас это были колоссальные деньги. На них мы и строились.

Ее очень любили, и каждый из ее дочерей и сыновей считал за честь, чтобы она лежала у него дома. Они за ней очень бережно ухаживали. Она болела долго, умерла тихой, блаженной, христианской смертью. Даже в забытии читала молитвы. В гробу лежала такая ясная, просветленная...

А были женщины, которые просто мыли пол, и только. Уходя на пенсию, они почитали за счастье, что у них появилось свободное время, которое они теперь могут отдавать Церкви. Они чуть ли не дрались за эту швабру, чтобы помыть пол. Они тоже трудились во славу Божию, а это и есть главное для человека. Кто-то делал это из бескорыстной любви к Богу, кто-то – из стремления искупить свои прежние грехи, в чем нет ничего заслуживающего осуждения. Напротив, стремление к спасению всегда похвально. Ради этого мы и приходим на эту землю.

Пришла как-то в храм женщина, уже пенсионерка, принесла свою первую исповедь. Оказалось, она в своей жизни сделала пятнадцать аборт... Конечно, грешница! Но даже разбойник первым вошел в рай по милости Иисуса Христа, потому что принес покаяние. После исповеди эта женщина упала в обморок. А потом до конца жизни она оставалась при храме.

Красная гроза над Голиками

Таинство Крещения над будущим великим русским драматургом А.Н. Островским – автором «Грозы», «Бесприданницы», «Женитьбы Бальзамина» и многих, многих других бессмертных пьес – было совершено в церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в Голиках.

В глубине Замоскворечья, между Малой Ордынкой и Голиковским переулком, чудом сохранился старый московский дворик, как бы отрезанный от интенсивного городского движения и уличной суеты, умиротворенно собранный под густыми кронами старых тополей. Если вы оказались здесь впервые, то не можете не присесть на скамейку и не оглядеться. В центре дворика в окружении скамеек высится бюст выдающегося русского драматурга Александра Николаевича Островского. Умный, пристальный взгляд словно застыл перед стоящим в трех десятках шагов изящным особняком. В 80-е годы XX века этот дом, в котором 31 марта (старый стиль) 1823 года родился будущий гений русской драматургии, был отреставрирован и стал музеем А.Н. Островского. Известно, что этот небольшой участок купеческого Замоскворечья принадлежал некогда диакону церкви Покрова Божией Матери, у которого отец драматурга снимал несколько комнат, а сам храм находился на том месте, где сейчас стоит бюст драматурга.

Памятник А.Н. Островскому – это одновременно и памятник храму, потому что стоит как раз на его месте

«Лицевая сторона дома, – вспоминал Г.К. Иванов, коренной житель Замоскворечья, – выходила на маленькую древнюю церковь. В ней было два придела: новый, который достраивался позднее, и старый, совсем маленький и низенький, можно было достать рукой своды. Вокруг церкви была железная решетка, росли тополя, клены. Рядом с церковью стояли три двухэтажных домика, выходившие на Голиковский переулок, в которых в старое время, при Островском, жил причт – дьякон Никифор Максимов с семьей, два псаломщика, звонарь, сторож. Эти три домика совсем недавно (в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. – В. Р.), лет шесть-семь тому назад, были снесены».

Выбор места жительства явно был не случаен. На это указывают некоторые факты биографии Островского-отца. Николай Федорович родился в семье костромского священника. Окончил Костромскую семинарию и Московскую духовную академию, но выбрал поприще светской службы. Думается, поповскому сыну, к тому же бывшему семинаристу и питомцу духовной академии, было естественнее поселиться в привычной для себя среде, в доме человека духовной профессии, чем снимать какие-нибудь светские меблированные комнаты.

Отблески мира горного лежали не на одном поколении Островских. Дед драматурга по отцовской линии, Федор Иванович, после смерти жены принял монашеский постриг с именем Феодот. Когда-то в его келью в Донском монастыре привели для благословения его малолетнего внука Сашеньку. В детские годы будущий драматург не раз бывал по праздникам у деда-чернеца, и образ седого старца навсегда запечатлелся в его памяти и, наверное, много подсказывал писательскому воображению.

Надо ли говорить, что великий русский драматург был глубоко верующим, православным человеком. В то время, и особенно в творческой среде, червячок маловерия уже вил свои гнезда, но эта духовная болезнь, конечно же, не коснулась Александра Николаевича. В мире его творчества, в мире его семейных, бытовых комедий, драм, исторических хроник, картин из народной жизни, в хоре голосов персонажей его произведений возвышается, светится, слышится нечто идеальное, неземное, христианское, как тот светлый столб в церкви, о котором говорит Катерина в «Грозе»: «...в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют».

Нет сомнений, что Покровский храм в Голиках занимал в жизни Александра Николаевича заметное место не только в силу географической близости. Эта церковь известна еще с 1625 года, когда она именовалась «...что в Малых Ордынках, за Москвой-рекою». Деревянный храм, стоявший издавна на этом месте, в 1693–1702 годах был заменен новым – каменным пятиглавым. Был устроен и

новый придел – во имя преподобного Александра Свирского. В начале двадцатого века – новая реконструкция, и уже полноценный придел во имя Преподобного. Основной долгие годы оставалась чудотворная икона Божией Матери «Троеручица».

Среди известных прихожан Покровского храма в Голиках выделялась Вера Николаевна Харузина – первая в России женщина, ставшая в 1907 году профессором этнографии. Участвовала в поездках в Олонецкую, Архангельскую и Вятскую губернии, Лапландию, Новороссию и Сибирь. Результатом экспедиции на Русский Север явилась ее книга путевых очерков «На Севере» (1890)... С 1907 года она начинает читать лекции по этнографии в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах, а в советское время до 1925 года – в Московском университете.

Посещать богослужения в Покровском храме любило все семейство Веры Николаевны. «Тетя ведет нас в церковь Покрова Богородицы на Малой Ордынке, – писала она в воспоминаниях. – Маленькая, скромная старинная церковь в глубине небольшого церковного двора. Прелесть старины в ней пока не говорила сердцу, но так уютно было в ней, и так хорошо молилось. Входим в старинный притвор, украшенный росписью фресками – не художественными, нет, обычного стиля церковных фресок того времени. У входа изображен сидящий ангел, записывающий в свиток, по объяснению тети, помыслы входящих в

церковь, степень их молитвенного настроения. Но ангел этот с длинными светлыми волосами, распущенными по плечам, в белой одежде с орарем светел и кроток и не внушает смущения. И разве мы не идем в церковь с полной готовностью молиться, и разве мы не помирились друг с другом, если и вышло что-нибудь, памятуя твердо: «Оставь дар твой перед жертвенником и пойди прежде помирись с братом твоим». Входим – тетя ставит нас вперед у самой солеи: она хочет, чтобы мы видели больше и лучше слышали и так запомнили бы службу. Сама она не любила становиться впереди, но делала это для нашей пользы... Я с теплым воспоминанием возвращаюсь к этим обедням у Покрова, потому что кажется мне, что всегда я там молилась хорошо, что всегда возносилась тут чистая моя молитва и что она была невинна и наивна, начиная от мольбы о совершенствовании и кончая молитвой о зайчике...

Еще одно обстоятельство, кроме тиши церкви, привлекало и тетю, и нас к Покрову. Тут был в то время выдающийся дьякон. Во-первых, он «служил хорошо», как говорила тетя: действительно, ясно и членораздельно произносил он слова возгласов и молитв, голосом, проникавшим в сердце и нам, детям. Во-вторых, синие очки с боковыми стеклами, которые он носил, прикрывали у него, как знали мы, вытекший глаз – а потерял он его, спасая чужих детей на пожаре. Он был героем в наших глазах – и притом образцом скромного героя. До

Мало кто знает великого драматурга таким, каким его в 1861 году запечатлел художник А.И. Васильев

того прост был он во всех движениях, до того покойно было его лицо. А совершил он великое... Сколько, сколько раз в этой маленькой церкви при виде диакона в трогавших нас синих очках душа рвалась на смиренный подвиг, а фантазия рисовала пожар или наводнение – «а я ничего не боюсь... я бросаюсь на помощь... и спасаю человека и бегу, бегу от благодарности». Но этот диакон – мы никогда не слышали его имени – умел еще произносить проповеди. Он выходил на амвон и, как всегда скромный, начинал просто и спокойно говорить. И мы, дети, понимали все. Мне так хотелось делать то, что, он говорил, надо было делать. Анна Мартыновна нам говорила не раз о пользе церковной проповеди и удивлялась, почему у нас священники не говорят проповедей. Она не могла понять, почему у Покрова вместо священника говорит диакон. Но проповедь произносилась, она и в наших глазах имела смысл – диакон нам был дорог тем, что он как бы перебрасывал мостик от воззрений тети к воззрениям Анны Мартыновны, соединяя противоречия двух любимых людей».

После октябрьской революции 1917 года церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в Голиках, оставалась нетронутой еще довольно продолжительное время. Она была закрыта лишь в 1929 году, а в 1931 году храм разобрали. Началась другая эпоха: пришли иные герои и зазвучали новые проповеди. Но все это не относится к теме нашего проекта...

К сему: ваш Архивариус

Чудом сохранившийся дом диакона Покровской церкви Никифора Максимова

Капля живой воды из Оптиной пустыни

Ежегодно в Неделю 2-ю по Пятидесятнице Русская Православная Церковь празднует память всех святых, в земле Российской просиявших. История создания (середина XVI в.) этой службы необычна: мало того, что она постоянно менялась и дополнялась, поскольку сонм святых – это непрерывный живой процесс. Однажды это имело место в... тюрьме.

1922 год. Владимирский централ. Камера № 17. Одиннадцать узников – священнослужителей от архиепископа до диакона – ожидают своей участи и работают над текстом той самой службы. Объем работы огромный. Практически с петровских времен и до Поместного Собора 1917–1918 года праздник этот не поминался в Церкви. Но святости-то на Руси от этого не убавилось и угодников Божиих тоже не стало меньше.

Среди одиннадцати узников – воинов Христовых – отец Сергей Дурылин. До рукоположения, несмотря на молодой возраст, уже известен как богослов, философ, литературовед, писатель, археолог, этнограф. Служил в храме святителя Николая в Кленниках, у знаменитого московского старца протоиерея Алексия Мечёва. Был хорошо знаком и состоял в тесной переписке с В.В. Розановым, Сергием Булгаковым, Павлом Флоренским, Борисом Пастернаком, Максимилианом Волошиным и многими другими известными людьми начала XX века. Арестован в 36 лет.

Завершив работу, соузники там же, в тюрьме, 28 октября 1922 года совершают богослужение, посвященное всем святым, в земле Российской просиявшим. Событие в истории Церкви редкое, если не уникальное. Каждый его участник – это без преувеличения образец стояния в вере. Но меня особенно заинтересовал отец Сергей. Возможно, тем, что его путь к православию был очень непрост, исполнен сомнений, искушений, разочарований и идейных метаний. В юности были моменты, когда он стоял на грани... самоубийства. Не случись в его жизни Оптиной пустыни и старца Анатолия (Потапова), жизнь наверняка пошла бы по другому сценарию.

Родился Сергей 27 сентября 1886 года. Его отец – купец 1-й гильдии Николай Зиновиевич Дурылин – успешно торговал шелками и парчой в

Владимирский централ. Камера № 17 – такая же

Богоявленском переулке и у Ильинских ворот. Мать – Анастасия Васильевна – всю себя посвятила дому, мечтала, чтобы ее старший сын получил хорошее образование и крепко встал на ноги.

В гимназии Сергей подружился с латынью и древнегреческим, превосходно учился по географии, истории, литературе и русскому языку. Издавал гимназические журналы, устраивал любительские театральные спектакли. Пожалуй, именно тогда у него уже оформились профессиональные предпочтения. Вспомним, что в тюремной камере, уже отцом Сергием, он будет участвовать в составлении службы, прославляющей всех святых, в земле Российской просиявших. И невольно

Отец Сергей Дурылин. Эскиз к портрету «Тяжелые думы». Художник М.В. Нестеров. 1925

выглядит промыслительным его трепетное отношение к гимназическому учителю Закона Божия – Ивану Ивановичу Добросердову, впоследствии епископу Можайскому Димитрию, прославленному в лике новомучеников. Воспоминания о нем Дурылин напишет в 1942 году.

С разорением и скорой смертью отца в семью пришла нищета. Сергей Николаевич вспоминал, как не зажигали керосиновую лампу до полной темноты, ели раз в день и вечером пили стакан молока с хлебом.

С возрастом и под влиянием старших товарищей пришло увлечение революционными идеями: диспуты, составление и расклейка прокламаций, чтение и распространение нелегальной литературы. Наступило отрезвление, когда жандармы убили его близкого товарища-кружковца: ради чего такие жертвы? Тоска и отчаяние – неизбежные спутники разочарований. Смею предположить: марксизм ослабил в Сергее православную веру. Общеизвестно: им нет места в одной душе. Иначе в дневнике Дурылина не появились бы такие строки: «Годы 906, 907, 909 – годы моей гибели». Он всерьез думал о самоубийстве.

Бог храмов не строил. Он создал один храм – нашу матушку Землю и всё на ней, и для Него этого было достаточно. Верно, оттого человека, если он не идет в храм, непременно влечет

к себе природа. Коль он, конечно, еще не окончательно потерял свою душу. Сергей, к счастью, ее не потерял. В 1906 году он побывал в Олонецкой губернии – стране лесов, озер и валунов, в Архангельске, глотнул запах моря, сосен и свободы. На Соловках, прочитав в монастырских книгах о ссыльных раскольни-

ках, был поражен твердостью их веры. Север и северян он полюбил на всю оставшуюся жизнь. Если он тогда еще не излечился окончательно, то, похоже, серьезно остановил свою духовную болезнь. Литература по-прежнему не отпускала Сергея. И на свое безответное «Почему мне нужно жить?» находил ответ опять же у Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...».

Через семь лет корабль духовных исканий Сергея Дурылина вошел в светлую и благодатную гавань: лодка его жизненного пути закономерно привела в Оптину пустынь. Впервые он побывал здесь с мамой на Пасху в мае 1913 года. На исповедь пошли в келью к старцу Анатолию (Потапову), о котором раньше не слышали. Поразило лицо старца: «Все сплошь оно улыбка, все сплошь оно – привет, все сплошь оно – облегчение каждому, кто смотрит на него», – вспоминал Дурылин.

Теперь он будет бывать в Оптиной ежегодно (иногда по два-три раза в год) вплоть до 1921 года. В одном из писем тех лет мы находим строки, которые, на мой взгляд, объясняют тягу Дурылина к этим местам: «В Оптиной пустыни природа удивительная: благословенно-тихая, понимающая, смиренная и святая. Только там мне стало ясно, почему влекло туда Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, почему там похоронен Киреевский, постригся Леонтьев.

Молитва создала там место, откуда, кажется, короче и доходней молитва, – легче устами произносить слова, которые труднее всего нам произносить: слова смирения, простоты и беспомощности».

Старец Анатолий стал духовником Сергея Николаевича, а Оптиная пустынь – образом всей Церкви, книгой молитвы – явной и действенной – к Богу. Здесь он обрел духовное убежище в «окаянные дни» (И.А. Бунин) революционной смуты и хаоса.

Октябрьский государственный переворот 1917 года Дурылин растерянно не принял: была издревле знакомая и близкая святая Русь – стала пугающе неизвестная Россия – как понимать? В дневнике появляется фраза: «Русь, которую я любил, умерла». Где выход? В монастыре?..

Оптина звала к себе. Летом 1918 года он живет там почти месяц. Назвать ли это особым периодом его духовного становления? Во всяком случае, Сергей Николаевич начал собирать материал для книги об обители – о ее истории, о старчестве. Записывает рассказы и воспоминания монахов Оптиной и насельниц из Шамордина, много беседует с архимандритом Феодосием (Поморцевым) – живой историей пустыни, с отцом Варнавой (Ивановым) – келейником старца Анатолия, с иеросхимонахом Феодотом (Кольцовым) – уставником обители. Собирает исторические справки, составляет список экспонатов для музейной экспозиции. Делает выписки из статей и воспоминаний о посещении Оптиной Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, активно пользуется рукописями отца Феодота (Кольцова), книгами богатейшей монастырской библиотеки.

Об этом уникальном месте – Оптиной пустыни – писали многие и много. Дурылин, я бы сказал, стоит несколько в стороне от этого могучего массива. Острым и внимательным умом, научным подходом, глубокой верой обладали практически все летописцы. Особость Дурылина в том, что он, занимаясь Оптиной пустыней, строил на этом фундаменте и храм своей души. И едва ли не самое главное – он окончательно убеждается в том, что Русь, которую он горячо любил, на самом деле жива

Храм свт. Николая в Кленниках. Здесь служили Алексей Мечёв и Сергей Дурьлин

и никогда не умрет благодаря Оптиной пустыни, Свято-Троицкой Сергиевой лавре и другим подобным духовным центрам страны. Даже если закроют все монастыри, их традиции и монашеская молитва продолжатся в подполье, в христианских катакомбах «нового времени». Как же это подтвердилось в камере № 17 Владимирского централа в 1922 году!

Сергей Николаевич не раз просил своего духовника благословить его на иночество. Монах отвечал уклончиво. Не станем додумывать за старца: это могла быть и недостаточная духовная зрелость чада, и ситуация в стране, которая могла обернуться всяко (а как — теперь известно), да мало ли найдется веских причин в раздираемой нестроениями стране, в смутное и мутное время? «Положись на волю Божию, — был совет духовника. — А там определится, к чему у тебя призвание — к учености или внутреннему деланию».

Воля Божия проявилась через московского батюшку Алексея Мечёва,

настоятеля церкви святителя Николая в Кленниках, что на Маросейке. Вот как Сергей Николаевич описывает это: «В памятный для меня час, когда о. Алексей на исповеди, в кабинете, решил, что мне должно быть священником, я принял его волю с радостью и покорностью. На столе стоял портрет о. Анатолия. Батюшка прочел мою мысль, мгновенно возникшую во мне при взгляде на портрет: “Как же я без ведома моего старца, о. Анатолия, принимаю такое важное решение?” — и ответил моим мыслям, а не словам: “Напишем о[тцу] Анатолию. Он благословит”, — и действительно, через две недели, несмотря на всю неверность и почти невозможность тогда письменных сношений, я уже получил ответ о. Анатолия — тот самый, о котором мне сказал о. Алексей».

То, что старцы Анатолий и Алексей виделись всего один раз в жизни, не мешало их глубокой и давней духовной связи. Нередко, как и в случае с Сергеем Николаевичем, они пере-

Старец Анатолий Оптинский, духовник Сергея Дурьлина

давали друг другу своих духовных чад. Дурылин увидел в отце Алексии Мечёве светлого подвижника, совершающего духовный подвиг не в тишине монастыря, а в миру, в суете большого города, в заботах о каждом прихожанине и о своей семье тоже, в комнате с вечными посетителями и телефонными звонками, в отсутствие не то что трапезы, а просто еды неспешной. И при этой суете «молитва возносилась к Богу, и любовь одухотворяла каждое движение руки и слово языка, и радость сияла на лице, и любовь, и мир, и радость о Дусе Святе. Любовь текла в души и скорбных и падших, обновляя и воскрешая их...». Можно прочитать у Дурылина. От отца Алексия Мечёва Сергей Николаевич получил благословение на писательский труд. Батюшка напутствовал его словами: «Ум – это только рабочая сила у сердца».

Обретя такого наставника, отца, Батюшку, как любовно называет его в письмах и мемуарах Дурылин, он, конечно, старался и походить на него. У Батюшки учился он перегружать чужую ношу горя и беды на свои плечи. Помнил его слова: «Сердце пастыря должно расширяться настолько, чтобы оно могло вместить в себя всех, нуждающихся в нем». В крошечной холодной шестиметровой прихрамовой каморке о. Сергия Дурылина стуки в дверь не замолкали до глубокой ночи, люди шли за советом, за духовной поддержкой.

Так Сергей Николаевич Дурылин осуществил свое призвание. К сожалению, действующим священником Русской Православной Церкви он побыл всего два года и три месяца. 12 июля 1922 года его арестовали как «элемент политически вредный для советской власти». Последуют месяцы заключения во Владимирской тюрьме, затем годы ссылок и скитаний по стране, которые подорвут здоровье, но не смогут погасить теплое сияние лампы его души, что когда-то зажглась в Оптиной пустыни.

В «Троицких записках» Дурылин делает такое признание: «Живую Церковь, Живое Тело, я учуял только тогда, когда капелька живой воды церкви капнула на меня с Оптиной пустыни».

Поклон и благодарность за помощь рабам Божиим Екатерине, Анастасии и Марии

ДУРЫЛИН: ПОВОРОТЫ

1903. Вступает в революционную молодежную организацию, порывает с религией. Подвергается обыскам, трижды сидит в тюрьме за участие в революционных организациях.

1906. Крушение «идеалов». В издательстве «Посредник» выходит брошюра «В школьной тюрьме. Исповедь ученика».

1910. Студент заочного отделения факультета археографии Московского археологического института. Посещает заседания московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

1913. Поездка в Оптину пустынь. Участвует в создании альманаха «Литрика» с первыми стихами Бориса Пастернака.

1914. Пишет институтскую выпускную работу «Иконография Святой Софии».

1920. Принят во Всероссийский союз писателей.

1920, 15 марта. Рукоположен в сан иерея.

1922. Арестован как «элемент политически вредный для советской власти».

1923. Ссылка в Челябинск. Пишет книгу о художнике Нестерове.

1928–1930. Находится под негласным надзором ОГПУ в Томске.

1929. Пишет воспоминания о старце Анатолии Оптинском.

1937. В Доме ученых АН СССР ведет семинар по истории театра.

1938. Участвует в лермонтовской и толстовской группах Института мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ).

1941–1945. Всю войну выступает с лекциями в воинских частях, госпиталях, организует концерты для солдат.

1944. Степень доктора филологических наук.

1946. Звание профессора Института истории искусств.

1949. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1953. Выходит монография «Мария Николаевна Ермолова (1853–1928). Очерк жизни и творчества».

1954, 14 декабря. Скончался дома в Болшеве. Похоронен на Даниловском кладбище в Москве.

Религия всеобщего спасения

Практически каждому из нас знакома ситуация, когда на улице неожиданно подходят доброжелательные, улыбчивые, милые люди с вопросом о Боге. Чаще всего это какие-нибудь сектанты-вербовщики, а вот православных миссионеров, к сожалению, встречается меньше, хотя нести истинное слово о Христе – наш долг.

В походе. «Молодежка» Валаамского монастыря

Откройте Евангелие от Матфея (28:19–20). Вот что говорит Сам Спаситель: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...». Слова эти обращены к апостолам, но относятся к каждому, кто считает себя христианином, где бы и в какое время он ни жил. Ошибочно было бы понимать наущение Господа как Его заботу только о тех, кому адресовано слово миссионера. Оно равно касается и тех, кто это слово несет. Помочь заблудшему стать на путь, ведущий к спасению, – это помочь и самому себе. Ибо,ставляет апостол Иаков (5:20), «...обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов». Христианство – это великая религия всеобщего спасения.

Потому так же ошибочно было бы полагать, что миссионерством призваны заниматься только священнослужители или специально обученные люди. Видя подвиги заслуженных пастырей, таких, например, как убиенный в 2009 году иерей Даниил Сысоев, обращавший в нашу веру мусульман, или протоиерей Олег Стеняев – самоотверженный борец с сектантством, иные христиане могут подумать, что миссия – это не их дело и они не справятся. Господь никогда не дает креста не по силам, и если мы не можем достойно его нести, так это только наше произволение.

Сказанное о миссионерстве не просто бесспорно, поскольку опирается на Священное Писание. Оно доступно каждому, в ком не притупилось чувство христианского долга, и пример тому – опыт молодежного миссионерского центра «Атриум» в Санкт-Петербурге, о котором мы уже упоминали в одном из недавних номеров «Лампады».

В центр принимаются все желающие независимо от духовных совершенств, интенсивности церковной жизни, знаний и уровня миссионерской подготовки. Обучение и практическая работа проходят параллельно. Менее подготовленным, естественно, поручают дела попроще. Сам собой, все должны быть достаточно укрепленными в вере, поскольку невозможно рассказывать о православии, если сам не утвержден в догматах Церкви.

Среди «атриумовцев» есть разный народ – бывшие баптисты, атеисты, неоязычники, «верующие в душе» и пр. Центр помог им принять правильную веру, встать на путь воцерковления, и теперь они сами желают послужить Богу и Церкви.

Понятно, никто новичка сразу на проповедь не отправит и в гущу событий не окунет. Все происходит постепенно, и самое первое – это изучение Священного Писания. Молодые люди по очереди читают отрывки из Библии, потом все высказываются на тему, кто что понял; спорят, анализируют. В конце встречи

приступают к толкованиям отрывка святыми отцами.

Наверное, не очень привычно соседство слова Божия с такими терминами, как «миссионерские тренинги» или «ролевые игры», но реальность вносит коррективы – появляются новые формы взаимодействия людей и с этим нельзя не считаться. Например, три человека берут на себя роль православных миссионеров, другая тройка – «заблудшие овцы», чьи души желательно обратить к Истинному Богу. Они могут быть кем угодно – сектантами, верующими в космический разум, компанией ребят, собравшихся отмечать хэллоуин, и т. д. Происходит диалог, напоминающий разговор в реальной жизни. На следующем тренинге роли меняются, подключаются следующие участники.

По воскресеньям после Божественной литургии члены центра выходят на уличную миссию. К кому? А к тому, кого Бог пошлет. Разделятся на группы по два – четыре человека, помолются и подходят ко всем, кто встретится на пути. Подойти к незнакомому человеку не просто, особенно теперь, когда люди очень разобщены. Но этого мало – нужно еще обратиться к нему так, чтобы не получить отпор. Допустим, с таким простым вопросом: «Вы знаете, какой сегодня день?» или «Здравствуйте, с праздником вас, с воскресным днем! Знаете, почему сегодня праздник?». И далее диалог уже строится в зависимости от того, намерен ли человек поддержать разговор, какие у него взгляды, что он отвечает...

А если миссионер недостаточно подготовлен? Не выходить на миссию, пока не выучишь наизусть Писание? Ведь никто не знает, в какое русло повернется разговор. В «Атриуме» выходят из положения по-разному. Например, молитва к Господу с просьбой вразумить. Раз Бог послал человека с миссией, Он подскажет и нужные слова. Главное, молиться об этом искренне, с верой. Пустых слов Господь не слышит.

Чаще всего достаточно поговорить с людьми, используя понятные им образы, не углубляясь в догматические диспуты. Например, тему исповеди можно развить, ассоциируя ее с чистотой тела. Необходимость крещения младенцев – на примере записи детей в школу: мы же не спрашиваем их, хотят они учиться или нет; так же и крещение, и так далее. Как правило, в тройке миссионеров обязательно должен быть хотя бы один человек, обладающий необходимым опытом и знаниями.

И вот что еще. И едва ли не самое важное. Как писал митрополит Антоний Сурожский, «только свет Христов в глазах

«Атриум». Евангельские чтения

другого может привести человека к вере». Это значит: любовь к Богу и к людям – главный принцип миссионерства.

Сама миссия тоже проходит по-разному. Иногда может быть так.

На этот раз, после обычного приветствия и знакомства, Сергей, как звали первого мужчину, сразу же взял быка за рога и напористо спросил:

– А вы кто?!

– Мы Русская Православная Церковь. Московский Патриархат, – ответила Даша...

– Вы крещены? – спросил Миша.

– Да. Но почему, когда я прихожу в церковь, мне предъявляют целый преysкуррант?! Крещение – две тысячи рублей, венчание еще больше. А если у меня нет таких денег, но я хочу крестить ребенка, так мне без денег и не крестят? Это правильно?!

– Нет. Но и без денег могут крестить. В некоторых храмах и венчают даром. Однако поймите правильно. У нас Церковь отделена от государства и живет на пожертвования прихожан. И ей нужно платить за электричество, за воду, за все...

– Я все понимаю, но все же против преysкурранта. Пожертвование есть пожертвование, и я жертвую больше, чем меня просят, но все равно ценник меня возмущает. Вот вы живете на пожертвование?

– Нет.

– А на что?

– Я работаю инженером, и Даша работает инженером, – ответил Миша...

– Тогда зачем вы к нам подошли?

– Поделиться своей радостью.

– Вот и поделитесь.

Даша быстро шагнула навстречу Сергею, насунившись точно филин, и слегка обняла его, отчего он несколько опешил. Надо же, какое чудо свершилось! Его, простого грубоватого мужика с легкой небри-

тостью, обняла красивая, обаятельная девушка. Вот так чудо! И не ожидал.

– Но зачем вы делитесь своей радостью? Не понимаю... Что дает вам ваша вера? Что она изменила в вашей жизни?!

– Раньше, когда в моей жизни не было Бога, я не знала, зачем жить. Зачем дети? Они же все равно умрут! Все бессмысленно. Жизнь без Бога не имеет смысла. Только соединившись с Ним, мы получаем всю полноту жизни.

– А от чего вы получаете в жизни удовольствие?

– От молитвы, от причастия.

– Зачем же подошли к нам?!

– Мы все связаны одним миром. Вот если у человека болит один палец, то страдает все тело, – вступила в разговор Наташа, – так же и со страной. Если в ней много грешников и безбожников, то страдает весь народ. Вы же патриот? Я вижу, что вы патриот.

– Да.

– А в чем заключается ваш патриотизм?

– Я работаю. Строю катера, лодки, яхты... Воспитываю ребенка.

– И вы делаете что-то хорошее для своей жены, когда она вам готовит ужин и ухаживает за вами?

– Да.

– Тогда почему вас удивляет то, что мы к вам подошли? Вы же делаете хорошие дела.

– Да, – согласился Сергей...

– До свидания, – сказала Даша. – Приходите к нам в храм. Вы же живете рядом с ним, и, пожалуйста, возьмите листочки об исповеди и причастии.

– Хорошие вы люди. Придем в ваш храм...

Заметно подобревшие мужчины взяли скромные вестники Божьего слова, и «тройка» православной миссии направилась в церковь, где уже собирались остальные участники уличной проповеди. (Из книги Д.М. Корсунского «Наша «молодежка»»).

Вот таким бесхитростным способом можно помочь человеку взглянуть на мир другими глазами. Просто нужно отнестись к нему с любовью, только и всего.

Ходят миссионеры «Атриума» и к сектантам. Когда «Свидетели Иеговы» отмечают День воспоминания смерти Иисуса Христа, у входа в здание, где они собираются, миссионеры раздают приходящим брошюры с православным взглядом на смерть и Воскресение Христово. А уже понаторевшие ребята смело идут в самое «логово», туда, где окопались сектанты, – в научные институты, в неправославные общины, в школы... Вот уж где разгораются долгие и горячие дискуссии.

Клуб «Встреча». Возвращение домой

В двенадцатые праздники, на Святки и в пасхальные дни у «атриумовцев» самая страда. Почему – думается, понятно: собирается много людей из тех, кто в обычное время в храме почти не бывает, а сейчас приходит «за магией» – запастись крещенской водой, освятить куличи, поставить свечку, – по сути, язычники. И тут самое время и место объяснить истоки того или иного праздника, раскрыть подлинный смысл церковных традиций. Безусловно, очень важно, чтобы человек в результате такой встречи и беседы пришел в храм, но не менее важно, чтобы он пришел осмысленно, как говорится, по велению сердца.

Когда минувшим летом в Санкт-Петербурге проходил Первый миссионерский слет, стал виден подлинный масштаб этой важной работы – заботе о душах людей. Внешне форум мало чем отличался от иных собраний, но его глубинная суть не могла не волновать. Вроде бы все то же: дискуссии, тренинги, обмен опытом, работа над ошибками... Но подумаешь, что в наш прагматичный век эти молодые люди обсуждают не биржевой курс валют и не гламурную жизнь, а говорят о Боге, о душе, о том, чтобы помочь как можно большему числу людей познать Истину, и понимаешь, что наши дела не так уж плохи, как иные их любят представлять.

И, пожалуй, последнее. Сначала вопрос, который почти наверное может возникнуть: а чем, собственно, отличается православное миссионерство от сектантского? Те же беседы, попытки убедить, дружелюбный подход... Подход действительно дружелюбный, и, может быть, даже чему-то стоит нам поучиться. А теперь ответ: принципиальное отличие в том, что наше миссионерство – действительно православное, то есть в центре его Господь и любовь к Нему и через это – личное спасение. В секте – любой! – в центре – ее глава и подчинение ему и через это – гибель своей души.

Что для человека естественно

– Простой вопрос: что значит благотворительность, которой занимается фонд?

– Простой ответ. Одни ищут помощи, другие готовы ее оказать. Мы помогаем им найти друг друга. Как – это уже технологическое оформление, которое связано не с нравственными категориями, а с организационными вопросами.

– Например?

– Например, проверка тех, кто просит.

– Но это из области нравственной.

– Конечно. Но это область... я бы сказал, периферийная. Не будь главного – благотворения – некого и незачем было бы проверять. А так все прозаично: организация перевода денег, поиск исполнителя и так далее.

– То есть никаких высоких порывов, никакой философии?

– Не скажите. В самой благотворительности – как одной из несущих конструкций мироустройства – заложено признание того, что богатство и бедность равно естественны...

– Просто богатому трудно войти в Царство Небесное.

– Трудно, говорит Христос. Но Он не говорит, что труднее, чем бедному. Все зависит от того, кто как относится к своему имени.

– То есть к чему прилагает свое сердце. Спаситель сказал ученикам, что бедная вдова, отдав свои последние две лепты, «положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела...» (Мк. 12:43–44).

– Тут спора нет. Хочу добавить. Я немало соприкасался с миром обеспеченных людей и пришел к убеждению: богатство на человека нормального налагает потребность делиться. Это не просто моральный императив, а данность, которая не имеет ни плюсов, ни минусов. Как,

Александр Кабаков

скажем, явления природы. И знаю из приобретенного опыта: люди, которые живут исповедуя этот закон, очень отличаются от тех, кто им пренебрегает.

– Что таит в себе больше искушений – богатство или бедность?

– Искушений, которые предлагало бы богатство, я практически не испытывал. Бедность, мне кажется, искушает гораздо большими соблазнами. От бедности лучше не становиться. А хуже – такое возможно.

– Основа вашего фонда, насколько я знаю, – это пожертвования небогатых людей.

– Именно так. У человека есть возможность пожертвовать 75 рублей. И он это делает. Почему? Потому что каждый человек несет в себе образ Божий, а Бог, как известно, – это любовь. На этом держится и наш фандрайзинг. С английского дословно это переводится как «поднимание фонда» (fundraising).

– Это скорее поднимание человека.

– Пожалуй. Это не помощь богатых людей бедным. Если быть точным, это помощь людей друг другу

независимо от их имущественного, социального или какого иного статуса.

– А религиозное, как теперь говорят, измерение имеет место?

– Нет. Технологически оно не занимает никакого места. Религиозная основа тотальна, поскольку, как мы уже говорили, заложена в самой природе благотворения. Но в действиях отдельных жертвователей она особенно прочитывается. Хочу подчеркнуть: мы – аппарат фонда – в орбиту этого разговора не входим. Мы – не благотворители, хотя среди нас есть и верующие люди, мы – служащие, и только.

– Поскольку потребность благотворить, как мы с вами согласились, заложена в каждой человеческой душе, а не обусловлена банковским счетом со многими нулями, динамика работы вашего фонда должна быть относительно равномерной и стабильной. Она не зависит, образно говоря, от колебаний биржевого курса валют. Так?

– Колебания какие-то есть, ведь действуют живые люди. Но они не существенны, эти колебания.

– А что существенно?

– Выявление достоверности: врут? – не врут? К сожалению, врут.

– Я бы назвал это одной из наших национальных особенностей, наподобие охоты или рыбалки, как в фильмах Рогожкина. А за время, что вы работаете в фонде, не отметили какие-нибудь тенденции?

– Есть более или менее постоянный рост пожертвований. Люди стали немного больше получать денег. Повысили пенсии. Еще причина роста, причем существенная и, казалось бы, парадоксальная. Есть болезни, перед которыми, допустим, десять лет назад медицина была бессильна. Появились новые, гораз-

до более высокотехнологичные и эффективные методы лечения. Они, естественно, дорогие. Люди узнают о них и, соответственно, просят более значительной помощи. И это находит отклик!

– **А в самой работе фонда?**

– Стараемся придумывать новые формы. Не ходить же с кружкой собирать милостыню! Много не соберешь.

– **А какие это новые формы?**

– Например, SMS. Сейчас это уже кажется привычным, а когда «Русфонд» первым ввел эти 5541 со словом «добро», начался буквально обвал. Подтекст – проще некуда: «Видишь, девочка болеет? Хочешь помочь ей? Набери четыре цифры. Потом – пять букв. И отправь». Меньше минуты, не сходя с места. И всего 75 рублей.

– **В самом деле, все гениальное просто.**

– Для того техника и существует. До появления мобильного телефона такое было невозможно. Заслуга главы нашего фонда Льва Сергеевича Амбиндера в том, что он придумал это и внедрил.

– **А теперь традиционный вопрос – о сложностях.**

– Они есть всегда. Просто одни из них естественны, другие – рождены искусственно. Наша работа, считают некоторые чиновники Минздрава, им мешает.

– **Как так?**

– Они, может, и хотели бы делать то же, но у них не хватает средств. А каждый чиновник норовит доложить начальству, что в его департаменте все в порядке и проблем нет. Но тут фонд с его пожертвованиями и еще большими нуждами...

– **Что ж, все мы люди, и все подвержены одним духовным недугам. Просто кому-то удастся с ними справиться, а кому-то...**

– Будем надеяться, что добро и здесь скажет свое слово.

– **Помоги вам Господь!**

С главным редактором «Русфонда» писателем Александром Кабаковым беседовал Павел Демидов

Прости, мама, и благослови, или Несколько минут поэзии в Кремле

Первые строчки этого рассказа я написал очень давно. Загорелся, как сухая трава весной. Помню, целый день просидел за столом, писал тьму страниц, а достойных строчек – лишь несколько. На том творческий порыв угас, зеленая тетрадка в клеточку как-то незаметно утонула в архивных бумагах. Думал: отложил на короткое время, а оказалось – на полвека, и то вспомнил случайно.

Почему я остановил взгляд на решке этой книги? Хотя читал «Лезвие бритвы» еще первокурсником, однако не забылось. А вот вытянул с полки, раскрыл наугад и замер, потрясенный: «Молодежь находит безмерно скучным всякую попытку понять старших... Только после тяжелых потрясений вы приходите к следам нашей жизни чуткими и просветленными. Тогда раскрывается перед вами мать или отец совсем другие, и оказывается, вы их совсем не знали...». Лихорадочно отыскиваю зеленую тетрадку в клеточку, читаю: «Ах, мама, мама! Двадцать пять лет жил с тобой и не знал тебя настоящим. Прости и благослови...». На этих строчках оборвалась тогда моя рукопись. События тех дней возникли в памяти, будто прошло не полвека, а полдня.

Студенческие каникулы я обычно проводил в родных местах, в Сибири. А в то лето, аккурат перед моим отъездом, мама вдруг решила: тридцать лет не была в своей Красной Дубраве, пензенском селе, где родилась и прожила полжизни, – надо съездить. Когда я принес билет, разволновалась, совсем голову потеряла. Все спрашивала: во что одеться-обуться, что взять? Было ей тогда под шестьдесят, но выглядела молодожавой, невысокая, статная, крестьянский нос пипкой, черноволосая, только на висках чуть пробилась седина, и несказанно добрые серые глаза.

По дороге в Москву она непрестанно пускалась в воспоминания, которые я слышал уже многократно. Симпатичная проводница Люба с удовольствием слушала мамины рассказы, угощала чаем, а мы ее – смородиновым вареньем. Узнав, что я студент МГУ, спросила, как удалось поступить. «Или кто-то помог: может, мама учительница, папа начальник или состоятельный

дядя в столице?» – весело предположила она. Мама усмехнулась: смешно стало, когда представила себя учительницей, а отца – начальником с портфелем.

Но я-то знал, что она учительница, да еще какая! Весь учебный год я валил дурака, выкручивался с помощью дружка-соседа Володи Жукса: он помогал мне по арифметике. В тот день я уныло ковырял землю под картошку, размышляя о том, в какое попал положение по своей лени. Как всегда уставшая, пришла мама и, утомленная, взялась за лопату. Тут-то меня и осенило. «Мам, а что если я не пойду больше в школу, тебе же помогать надо, устроюсь работать в МТС?». Ее словно током пронзило. «Вон чё удумал! – негромко сказала она, однако по голосу я понял, что затеял разговор не во время и не к добру. – Счас вот лопатой как...». Но тут же сбавила тон, концом платка отерла запекшиеся губы и так стала говорить, что у меня дыхание перехватило: «Ох, Алешунька, картошку сажать-копать трудно, конечно; как-нибудь справимся, не в первый раз, а вот без школы не проживешь. Будешь, как я, с утра до ночи где-нибудь грязь вывозить. Грамотный человек всегда работу получше и почище найдет. Я до сих пор горюю, что не дали мне выучиться. Нет, Алеша, учись, пока я жива. Умру – все равно учись». Я опустил глаза, скрывая слезы. А мама еще и пожалела: «Устал, небось, иди на речку, скупайся, я сама докопаю».

Мой дружок Володя оказался способным педагогом. Вскоре я сам сделал домашнее задание. Взялся еще за одну задачку. Но та оказалась невыристой, и я попросил маму: вдруг справится? Мама раскусила задачу, как белка кедровый орешек. Это меня удивило: всего-то три класса церковно-

приходской школы окончила, а я – уже четвертый класс, причем советской школы! В тот вечер я – сам! – решил еще несколько задачек и уже не боялся грядущего экзамена.

Никогда раньше мама не рассказывала о своих университетах, а тут я вынудил. Оказалось, что церковно-приходская школа – ЦПШ – далеко не примитивное учебное заведение. Основными дисциплинами были Закон Божий, чтение, арифметика и история. Особняком – церковное пение. Преподаватели никому спуска не давали. Редко кто получал хорошие оценки, но в их числе пребывала и мама. Давалась учеба ей не то чтобы легко, но училась она с удовольствием, в училище ходила с радостью. А вот ее однокласснику Саше Исаеву, Саньку, как его все звали, его первый и единственный класс запомнился на всю жизнь серьезным испытанием. Особенно Закон Божий. К изучению основ религии, порядка исполнения церковных служб, заучиванию молитв педагоги относились строго. Их самих нередко навещали инспектора, и не дай Бог кто-нибудь из учеников не ответит на вопрос. Мама частенько выручала учителей – всегда поднимала руку. Заступлюсь за будущего отца: арифметику любил, другие же предметы приходилось брать усердием, которого подчас не хватало. Позднее, уже в Сибири, он быстро освоил всю эмтээсовскую сельхозтехнику, ремонтировал самые безнадежные двигатели. Бывало, когда никто не мог восстановить заглохший в поле трактор или комбайн, ехали за отцом. «Ты, Сашка, не обижайся, – говорил ему главный механик МТС дядя Коля Щедрин, – я давно бы тебя продвинул в механики, будь у тебя хоть класса четыре за плечами».

Иногда мама рассказывала мне библейские легенды, было интересно слушать о чудесах, но никак не мог поверить, например, что пятью хлебами и несколькими рыбами можно накормить тысячи человек или запросто, одним словом, воскресить умершего какого-то Лазаря. Пяти буханок, кото-

рые мама выпекала еженедельно, нам едва хватало. С малых лет мы усвоили, что Закон Божий, о котором мама отзывалась с восторгом и благоговением, — обман и вообще религия — опиум для народа. Значит, в ЦПШ детям дурили головы, отвлекая от борьбы за светлое будущее и лучшую долю. Частенько можно было слышать небрежное: что с него взять — ЦПШ!

...Вернулась мама из Красной Дубравы неожиданно быстро, рассчитывала пожить с месяц, а приехала через неделю и несколько удрученной. С Павелецкого вокзала привез я ее в общежитие на Ленгорах, окно комнаты на тринадцатом этаже выходило на Москву. Мама не скоро оторвала взгляд от ее потрясающего вида.

О поездке на родину рассказывала мало и неохотно. Помню только признание, что и эти дни она с трудом выдержала. А столько радостных ожиданий было перед поездкой! Однако вернулась расстроенной: «Подруг уже никого в живых не осталось, сродная сестра почти не подымается, хвоя. Поговорили, поплакали день-другой, повспоминали дни молодые — и всё тут, сидим, горюем, обе не знаем, чё спросить, чё сказать, куда сходить. Спасибо, церковь не закрыта, каждый день ходила, жалко, училища при церкви нет». Мама почему-то вместо «школа» говорила «училище». Зашла на кладбище. Вот там-то она и повстречала всех — и подруг, и родных, и первых активистов советского строя. Всем нашлось место, и со всеми она поговорила, никто не обиделся. Мама еще находила сил пошутить. И подытожила: «Съездила, словно перед смертью попрощалась».

— Мам, ну что ты убиваешься, — приобнял я ее в нечаянном порыве, — неужто думала увидеть прежнее село? И себя с отцом где-нибудь в тихом овражке, да?

От неожиданного поворота разговора у нее даже глаза просохли:

— С Саньком мы не гуляли, у меня на виду другой парнишка был, но и с ним не гуляли, не смели.

И тут я попросил ее рассказать, как они поженились. Конечно, кое-что мне было известно, мама кому-то рассказывала, а я делал уроки и слышал кое-что. Однако потом мне было неудобно

Мама в привычном наряде

спросить о подробностях, а тут вроде само собой получилось.

— Как-как!.. Да нас никто не спрашивал. Исполнилось мне шешнад-

цать, собираюсь идти спать в подклеть, слышу, отец с матерью что-то заспорили. Мать никогда голос не повышала, а тут громко заговорила — и

в слезы. Поняла: обо мне речь идет. Оказывается, меня уже просватали, мой отец и Саньков успели сговориться. Небось, выпить захотели, вот и нашли причину – поженить нас. Утром я долго не вставала, думала о замужестве и не верила, надеялась, что все обойдется, отец одумается, но тут приходит мать. «Пойдем, – говорит, – сваты пришли». У меня в глазах все померкло, уткнулась лицом

Мы с мамой в то время

в подушку. Мать по голове гладит, успокаивает. Пришли в дом, старики сидят за столом, стаканы с вином в руках, уже веселые. Бабы шушукуются у печи. Сговорились скоро, меня для вида спросили, согласна ли? Ничего я не ответила, заплакала. Это, наверно, приняли за согласие. Старик засмеялся, чокнулись, мама заголосила, запричитала: «Погодить бы надоть, девка-то еще голым-гола!». – «Голым-гола – обрастет!» – отшутился отец. Мол, приданое соберем, что за дела? Так и началась для меня самостоятельная жизнь... Два года без детей прожили. На девятнадцатом родила, и сразу двойню – девочку и мальчика. Ой, какие хорошенькие ребятки были! Умерли, шести годков не исполнилось. Всего восьмерых родила, в живых остались трое, а по ним, по первенцам, все горюю...

Вскоре после женитьбы мамин свекор Андрей, мой дед по отцовской линии, неожиданно пропал. Занимался он торговлей скотом, однажды с торгов его не дождался. Четыре года спустя дед Ефим Андреевич с семьей уехал в Сибирь. Мой отец не решился отправиться в долгий путь с малыми детьми и попробовал заработать на стороне. Особой популярностью пользовались «сажни»: несколько лет

кряду мужики из Красной Дубравы заготавливали дрова для Москвы в Люберецком районе. Заработки на «сажнях» были неплохие, но большую часть проедали там же, домой отец привозил считанные рубли и кое-каких тряпок на обновки. Но и на эти рубли купить было нечего, рыночная торговля быстро зачахла. Все в селе жили впроголодь. Поэтому мысль уехать к родным в Сибирь их не покидала...

Покончив с воспоминанием, мама снова уставилась в окно. Наступали сумерки, золотые купола соборов пылали под лучами закатного солнца. Я как мог пытался успокоить ее, снова обнял за плечи, постарался перевести разговор на другую тему.

«Город чудный, город древний», – вдруг прошептала она, покачала головой, как это делают люди, восхищаясь чем-то исключительным – красивым или грандиозным. Строчка неведомого стихотворения поразила и озадачила меня. Прежде оно мне не встречалось, а расспросить, кто автор, было неловко.

Перед маминым отъездом я решил показать ей Москву, да и не хотел отпустить ее в расстроенных чувствах.

– Завтра выходной, – сказал я, – съездим в центр, на Красную пло-

щадь, побываем в Кремле, не против?

Мама спросила, зайдем ли в церковь. И оделась соответственно – в светлую крепдешинную блузку, легкую серую кофту и черную юбку, платок повязала на шее. Хотела надеть новые туфли, но я отговорил: много ходить придется. В ход пошли привычные парусиновые тапочки.

Когда я впервые увидел Красную площадь, у

меня перехватило дыхание, а мама спокойно, чуть ли не привычно оглядела открывшуюся панораму и выдала себя, лишь с некоторой опаской ступив на брусчатку. Увидев храм Василия Блаженного, ничего мне не говоря, направилась к нему. Перед входом повязала платок, перекрестилась. На экскурсию пошла без меня: я как-то уже был в храме и считал, этого хватит. Теперь жалею.

А такой, какой она вышла из храма, не знаю, видел ли когда: раскрасневшаяся, взволнованная, окруженная молодыми людьми. Они не отпускали маму, просили еще что-то рассказать, запомнилась просьба девочки, которую заинтересовала икона «Знамение».

– Знамение Пресвятой Богородицы? – переспросила мама.

– Да-да! – встрепенулась та.

И мама стала рассказывать, да так, что и я заслушался. Мама была в восторге от храма, от того, что увидела необыкновенной красоты убранство, и, конечно же, от компании интересной, любознательной молодежи. Вот и водила она их по храму вместо экскурсовода.

Посмотреть самый большой в Европе и Советском Союзе магазин мама категорически отказалась: «Чё

Люди всегда воспринимают радугу как дорогу, идущую вверх

я там не видала! У меня все есть». Вот так: у нее все есть и ничего ей не надо. Даже не взглянула, чем и как там торгуют. Похоже, она следовала завету Христа и не пускала в храм своей души то, что Он изгнал из дома Отца Своего.

Из Александровского сада я позвал ей на здание университета: «Вон там я учусь». – «Красивый дом, старинный», – отметила мама. И всё. А позже, при случае, я спросил ее, о чем она тогда подумала. Ответила, как всегда, честно: «Если бы тогда на огороде я не погрозила тебе лопатой, ты бы, пожалуй, сейчас здесь не учился, а чистил где-нибудь...». И тут же ласково: «Не сердчай, конечно, нашел бы работу получше моей. Ведь и я не думала, что придется грязь вывозить».

Когда вошли внутрь Кремля, мама восхитилась: «Ух ты!». И удивила меня: «Вот она какая, Царица-пушка! Почто ж она не стреляла?». Откуда ей известно?! И окончательно положила меня на лопатки резонным вопросом: «Тогда зачем было такую страсть делать?».

Возле Царь-колокола. «Немой, всю жизнь немой, хоть и великий», – сказала она, трогая край скола. И задумчиво так: «Мне не придется, а ты, может, услышишь, Царь-колокол зазвонит о Втором Пришествии Спасителя, тогда-то его голос услышат все – и христиане и нехристи». Как отрубил. И словно читая мой немой вопрос: «Учитель нам сказывал. Он просил отца, чтобы не забирал меня из училища. Да разве того уговоришь!».

А когда смотрела на колокольную Ивана Великого, губы ее беззвучно шевелились, и я понимал, что она проносила в эти мгновения. И не ошибся! То была строка из стихотворения, что вчера, глядя на Москву в лучах заката, продекламировала мама.

Город чудный, город древний...

Но сейчас она не остановилась, а продолжила:

*Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И палаты и дворцы!*

Стали подходить люди, останавливались, вслушивались. Мама замечала их внимание, что и смущало, и вдохновляло ее, так, по крайней мере, мне казалось.

*Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет золотую шапку
У Ивана-звоняря?..*

Люди всё подходили и подходили, и у всех на лицах был вопрос: кто такая? Слушали, не отходили.

*Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!*

И тут где-то вдали зазвенели колокола, меня поразило, что это музыкальное сопровождение точно попадало в стихотворный размер! Конечно, если я с моим условным музыкальным слухом понял это, поняли все, кто вслушивался в слова стихотворения, которые безупречно точно ложились в мелодию звона, словно невидимый дирижер твердой рукой направлял чтеца и звоняря.

*Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!*

Голос у мамы вдруг осекся, она закашлялась. «Не волнуйтесь, не волнуйтесь, все хорошо!» – послышалось из толпы. Но мама уже совсем смутилась. Тот, кто утешал ее, подхватил стихотворение:

*И под пеплом ты лежала
Полоненною...*

И мама, воодушевленная поддержкой, продолжила:

*И из пепла ты восстала
Неизменною!..*

Завершалось чтение уже дуэтом и по-прежнему в такт колокольному звону:

*Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!*

Последние слова звучали под аплодисменты. У мамы выступили слезы, она их не замечала. Мужчина с сыном-подростком подошел к ней, представился, спросил, как зовут. «Зинаида Ефимовна». Поинтересовался, откуда знает стихотворение Федора Николаевича Глинки. Сейчас это редкость. «Да еще в церковно-приходском училище выучила, думала, позабыла, а здесь вспомнила». Мужчина был удивлен и восхищен. «Вот, Ваня, бери пример, как надо учить стихи!» – сказал он сыну. «А хорошие стихи я и так запоминаю», – ответил паренек, чем удивил отца. Жалею, что не познакомился с ним, интересный человек, интеллигент. Тоже редкость.

Вот тогда, после нескольких минут поэзии на Ивановской площади Кремля, я и сделал запись в тетрадке с зеленой обложкой: «Ах, мама, мама! Двадцать пять лет жил с тобой и не знал тебя по-настоящему. Прости и благослови...». Молитвенно благоговейно перед тобой, перед твоим чистым образом. Да святится имя твое!

Нижегородская область

Постскриптум. Я не могу назвать себя человеком глубоко верующим.

Вера в Божественное начало для меня сводится к главной формуле: Бог есть любовь. Теперь я понимаю, что именно этой заповеди следовала в своей жизни моя мама, а следом за нею – и мы, ее дети, – набираясь уму-разуму. Сегодня, когда мне лет уже больше, чем было ей перед уходом в мир иной, я отчетливо чувствую, как ее тихие уроки любви и внутреннего благородства пустили корни в моей душе. Поэтому мой постскриптум обращен к тем, кто еще может обнять своих мам за плечи и взять их ладони в свои. Оказывается, мы так мало о них знаем, о наших мамах!.. А те, кто уже не может сделать это, ищите своих мам в себе. Ведь мы – их продолжение.

Полеты в теории и в жизни Константин Сутягин – сам о себе

Этот традиционный выпуск двух СТРАН – СЛОВ и КРАСОК – необычен: и там, и там живет один человек – Константин Викторович Сутягин. Причина в том, что отдать предпочтение той или другой его ипостаси означало бы неизбежно обеднить личность художника – живописца и литератора.

Родился 3 января 1964 года в Уфе. В детстве хотел стать писателем, но не знал, что для этого в Москве есть Литературный институт. Думал, писателями становятся сами собой: поживут, накопят жизненный опыт, а когда будет что сказать, все и сложится. Поэтому после математической школы пошел в военное училище (де Сент-Экзюпери «Записки военного летчика», дед летчик-герой...). Ушел оттуда и поступил в МВТУ им. Баумана (кафедра «Теория полета»).

Окончив, работал инженером в РКК «Энергия», строил «Буран», проектировал модуль для орбитальной станции «Мир». Когда началась перестройка, стал спекулировать кухонными комбайнами, которые наладили выпускать на РКК «Энергия» вместо ракет. Чинил велосипеды. Учил рисованию. Купил участок земли и пытался выращивать картошку. Продавал участок, купил компьютер и занялся книжным дизайном. Делал иллюстрации. Писал статьи. Работал куратором в галерее. Рыл ямы. Делал ремонт. Был редактором журнала. Торговал мороженым на рынке...

Чем только ни занимался... Будь это американская биография, она должна была бы заканчиваться словами: «Вот так, друзья, я стал миллионером!». Но это именно русская биография, и потому все у меня кончалось ничем. Ямы осыпались, мороженое таяло, космическая программа «Буран» закрылась. Издательства вылетали в трубу, картошка не родилась, от преподавания портилось настроение и охватывала тоска. В 2001 году упала орбитальная станция «Мир»...

Единственное, что у меня все это время как-то получалось и даже кормило меня, жену, детей, – это живопись. Прошло более 100 персональных выставок. Москва, Петербург, Новосибирск, Париж, Кельн, Токио, Атланта, Лондон... Картины в Третьяковской галерее, в Русском музее, Новосибирском государственном художественном музее, Саратовском художественном музее им. Радищева, Московском музее современного искусства,

в Алтайском художественном музее, в художественных музеях Ульяновска, Новокузнецка, Томска, музее-заповеднике «Михайловское», в Музее современного искусства OSNY (Франция), в Центре Современного русского искусства (Джерси-Сити, США) и др. Выставлялся на Осенних салонах в Гран-Пале (Париж). Много где повезло побывать и поработать. Был даже в Африке в составе художественной экспедиции...

И поэтому, трезво глядя на прожитые 50 лет, единственное, что могу сказать про себя наверняка – без пафоса, даже немного стесняясь, – что я, наверное, все-таки художник. (Если считать, что каждый для чего-то родился, что у каждой жизни есть какое-то направление). Во всяком случае, никто другой из меня

прямо не получается. И, главное, в результате у меня даже накопился необходимый для писательства жизненный опыт – не военного, не продавца мороженого, но все-таки. Отсюда и стали складываться книжки: про искусство, про художников. И книжки эти неожиданно для меня стали печатать...

Странно: писал всегда про живопись, про изображение (чем оно привлекает и почему), а книжки получались исключительно про счастье. Теперь думаю: может, это и есть главный закон искусства? Лучшее всего получается, когда автор пытается рассказать про счастье, когда ему что-то на самом деле нравится, когда он любит и очень хочет этим поделиться. А зачем еще нужно писать картины и книжки – я не знаю.

Константин Сутягин

Из книжки «Про счастье»

Очень красива, например, работа дворника: сгребать снег, прочищать дорожки... Человек и лопата срослись и дополняют друг друга – вжик! вжик! Движения сильные, точные. Раннее утро, все спят, фонари, снежинки... Разгреб от дверей наметенные за ночь сугробы – и тут же видишь: пошли первые прохожие, спешат по расчищенным дорожкам на работу. Очень красиво.

...
И вот, например, работа в офисе... Даже не знаешь: что здесь рисовать? Ну, сидит человек с озабоченным лицом... Ну, поговорил по телефону... понажимал клавиши на компьютере... снова поговорил... Никакого прилива вдохновения не вызывает работа банковского служащего, какие бы денежные потоки он ни пропускал через свою психику. С точки зрения художника его работа совершенно не красива!

Птички

...
Даже кассиром работать красивее, деньги пересчитывать: «Скупой рыцарь», перебирать сокровища пальцами в кольцах... Сундук с золотом гораздо интереснее рисовать, чем пластиковую карточку, на которой лежат 100 миллионов.

...
По всем законам физики Россия должна умереть. Исчезнуть, испариться, погибнуть, весь мир против нас: не Мамай, так Наполеон, не Наполеон, так Гитлер, все просвещенное человечество работает против. В этом мире у нас нет абсолютно никаких шансов.

Единственная надежда — отрицать неумолимые законы этого мира. Не замечать их. Переводить физику в метафизику.

Больше ничего нет.

Против физики только два оружия: молитва и пост.

...
Как доказывается Красота? Логикой?

Почему-то в том, чтобы швырнуть в камин 10 000 рублей, есть красота. А вот аккуратно накопить, списать с налогов и открыть музей современного искусства — в этом красоты почему-то гораздо меньше.

...
Люди, которые работают в офисах, чувствуют, конечно, что некрасивы, — поэтому и придумывают себе украшения: «платиновые» карточки, симпатичные ноутбуки, представительские автомобили... И все равно ни одному нормальному художнику не придет в голову писать вечеринку топ-менеджеров.

А вот сельские гулянки, мужики в сапогах, бабы в нехитрых нарядах — как вдохновляли уже сотни лет художников, так и до сих пор вдохновляют. В этом почему-то есть Красота.

Про крестьян, которые пахут землю, — сколько уже картин написано — без всякого заказа, бесплатно!

Уже скоро

И фотомодели почему-то тоже не вдохновляют. А какая-нибудь, может, и не самая красивая мать с ребенком – вдохновляет. (См. мировую историю искусства).

И герои вдохновляют. И еще рыбаки и охотники.

...

Зачем нужны дураки? А вот нужны.

Зло – настоящее, сущностное мировое Зло – слишком обоснованно, «научно доказано», слишком самоуверенно. Оно считает себя непобедимым – и в этом его слабость: оно постоянно переоценивает себя.

Побеждается оно только тем, кто не понимает всей его безукоризненной логики, «механики доказательств». То есть только дураком.

Наивное искусство – именно своей очевидной безыскусностью и побеждает.

...

Чувство собственного достоинства – оберегаешь его изо всех сил, борешься за него... Хочется же, чтобы уважали!

Двое

Но как понять – уважают или нет?

Уважение не пощупаешь, не погребешься, не измеришь градусником. В результате просто добиваешься, что люди просто ведут себя с тобой корректно... Но перестают жалеть. Устанавливается закон, порядок взаимоотношений... Но перестают любить.

...

Любили бы – и всё.

Нескладного, мятого, неуклюжего – такая неловкая, не очень умелая живопись... Или даже просто, как ребенка жалуют: ну надо же! Дескать, нарисовал лошадь с тремя ногами, глупенький!

Вот и меня бы так.

...

Кустики, сосенки, мелкая речка... Русская природа – увы! – не Италия, не Франция, даже не Крым. Ничего такого, что можно было бы «уважать», «гордиться» – ни пальм, ни водопадов, ни тебе апельсиновых рощ, ничего нет... Грязь и бездорожье, равнины, суглинок, травка реденькая, жидкое серое небо и тонкая березка, которую жалко: стоит,

свесившись, под мелким сыпучим дождем, капли бегут по веточкам – кап! кап! А потом засыплет снегом, и будет она совсем неразличимая, тонко-белая, на холодном фоне. Никакого достоинства нет в русской природе. Только жаль ее, как и всю Россию, – всегда – и любишь – сил нет.

Очень бы хотелось, чтобы меня не уважали, а просто жалели.

...

Пришел критик. Посмотрел на картину – на картине нарисовано поле, холм, речка...

– Ну, а в чем здесь прикол?

...

Все становится понятно, только когда возникает любовь. Когда не спрашивают: а что, собственно, вы хотели сказать своей картиной? – а просто смотрят на нее, вспоминают и радуются. И все понятно без слов. А что именно понятно – трудно сказать.

Когда даже не думают, а зачем это все здесь написано и есть ли в этом какой-то смысл?

Пасха в Африке

К ранней

Все насытились

О времени изнутри и снаружи

Валентин Курбатов (ВК) и Константин Сутягин (КС). Каждое из этих имен вполне самостоятельно. Каждое, случись выразить себя в монологе, порадует и честными признаниями, и неистертыми мыслями, и небанальными наблюдениями. Будь то искусство, философия, религия... А если между ними возникает диалог? Тогда – почти по Пушкину: о, сколько ждет нас открытий чудных...

КС. Валентин Яковлевич, хотел вас расспросить про время – что это такое в искусстве? Похоже, живопись всегда отстаёт от текущего момента, лет на десять минимум... Например, мне нужно, чтобы какие-то вещи устоялись – в быту, в культуре, – тогда я их начинаю прозревать... Понимать, где туфта, а где сущее, подлинное... А напишешь что-нибудь второпях – через пару лет никто и не вспомнит, не поймет, что это я тут на картине изобразил. Живопись, мне кажется, всегда чуть назад обращена. В отличие от поэзии: вот она, мне кажется, всегда слегка впереди, немного в будущее заглядывает, да?

ВК. Ну уж сравнили: поэзия – живопись. Это они только в министерстве и в бюджетной строке могут рядом стоять, а в жизни-то кто их сравнивает? Поэзия – дама небесная, дитя Господне. Ей что ТАМ нашепчут, то она и запишет. Иногда от нетерпения поэт не дослушает и кинется записывать тотчас, а Голос-то Диктующий и смолкнет. А ты не суетись, дослушай да в сердце прими. Тогда и будет «слегка впереди», потому что ТАМ – всегда перёд. И если правильно записал, то читатель сразу сердцем и узнает свое, потому что тут не вкус и не авангард, а родство по духу и Богу. Возьмите какую-нибудь Ксению Некрасову с ее детской простотой и Анну Андреевну: вместе им вроде и пяти минут не найти о чем говорить, а ТАМ они – сестры.

КС. А так же, допустим, и Пиромани с Малевичем: о чем бы им говорить? Разве о погоде...

ВК. Кроме того живопись – она еще и «материал»: кисти, краски, холсты да листы. А они все немного из прошлого, из традиции.словно этой кистью и этой краской вон уже сколько написано, и они все написанное помнят и норовят чуть ли не процитировать.

КС. Вот-вот. Попробуй выберись из этого, уже написанного до тебя!.. А современность-то как?

ВК. Да так: пока кисть отмоешь и свое начнешь писать, вот эти десять лет, которые вам нужны, чтобы отличить туфту от подлинного, и пройдут.

КС. А зритель? Ему же про себя сегодняшнего хочется!

ВК. А зрителю зрение тоже, как кисть, надо отмывать. Но он торопится глядеть старыми глазами и не сразу узнаёт, где новое, отмытой-то кистью написанное, началось. И тут он тебе поначалу с досады может наговорить такого, что даже посетители парижских салонов импрессионистам не говорили. И не со зла, а оттого, что зрение не успели промыть.

КС. То есть получается, что искусство все равно опережает жизнь... А как это у него получается, что вы думаете? Оно угадывает будущее или наоборот – это будущее создает, определяет его, гипнотизируя общество?

ВК. А вот не знаю, как развести эти «угадывает» и «создает». Андрей Битов однажды сказал, что если бы Достоевский не написал «Бесов», то, может, никаких этих бесов вообще бы не было, но были бы только нечаевщина и уголовное преступление. А тут они, злые-то нетерпеливцы из романа, вон какими явились тонкими мудрецами, словно все – внебрачные дети Ивана Карамазова или Смердякова, какую пропасть оправдательной низости понесли. Какой, с позволения сказать, высотой загородились. Герои, страдалцы. Поневоле побежишь в революционеры записываться.

КС. Ну да, так бы просто мерзавцы – а когда мерзавцу философию предложили, он уже умным кажется, интересничает. Смотрит на себя в зеркало, сделал печальное лицо – и уже вроде бы не дурак. Вот каким меня, дескать, художник увидел!

ВК. Ах, как бы хорошо, чтобы мы сегодня, намаявшись и наглядевшись на эти зеркала и интерпретации, стали побережнее вглядываться в то, что мы делаем. В том-то и беда русского художника, что ему по своей воле, то есть как ему хочется, пожить нельзя.

КС. Европейские художники в начале XX века как раз и жили по своей воле: ушли каждый в свою сторону, занялись поисками чистой формы, чистой красоты... Но – не долго. Прочитал тут в журнале «Боз Ар», что современный французский художник отныне не озабочен поисками красоты... Время такое что ли – некрасивое – наступило? А вообще, художник и время – как это? Как художник может отражать свое время? Должен ли?

ВК. А тут никто и не спрашивает. Говоришь-то ведь (коли художник) не по своей воле. «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге», и смотришь, и отразил, потому что сам-то где живешь: вне времени, что ли? Ты его в дверь, а оно – в окно. Да и не ты вовсе это говоришь, а само время себя твоими словами ощупывает, да и ты сам глядишь: не хлябает ли где? Тут – как в семье: ты за него отвечаешь, он за тебя, если хотим, чтобы лад был. Это только нынче мы разошлись, что я прихожу из какой-то своей правды (где и взял – Бог весть, потому что жил-то не в чужих краях) и решительно заявляю времени, что оно глупо и бездарно, а надо ему быть вот таким и таким (образцы прилагаются). И никто уже не отражает (чего глупость-то отражать?), а складывает свое время и свою реальность.

КС. Ну да, у меня же есть идеи – вот я и хочу их выразить. Не просто пою от радости – а типа «Люди, одумайтесь!» или «Вот вам моя пощечина!».

ВК. Да-да... Но... И литература блестяща, иронична, пестра, и живопись смела и своеобразна, а ты все будто голод ощущаешь и никак себя и мир в полноте не почувствуешь. А потому что мир из-за тебя и твоего своеволия тоже захотел по своей воле пожить. Между тем как Бог-то (боюсь и дого-

ворить) не одного Сына Божия, а и нас, грешных, создал неслиянными и нераздельными...

КС. То есть как?

ВК. А вот чтобы и мы были: земными и небесными, плотью и духом, отражением мира и его продолжением, чтобы каждый не закопал талант, данный ему, а принес приумноженным. То есть отражение-то осветил собою, посмел шепнуть Богу: «Понял, Господи, что мир и я – одно и мы оба неисчерпаемы и надо только успеть наглядеться друг на друга».

КС. Э-хе, «мир и я – одно»... Но это ведь счастье, когда так! А у нас сплошь рефлексии: вот мир – вот я. Я этот мир наблюдаю, описываю, истолковываю... и при этом наблюдаю за самим собой, описывающим мир... Перестать бы себя в зеркало разглядывать!

ВК. А вот тогда и не будешь думать: отразил – не отразил... А просто прожил и прибавил миру многоочитости, как у серафимов, чтобы мир благодаря тебе стал на одну красочку и одно слово богаче. Простите, чё-то уж очень высоко и туманно, да только иначе ни к слову, ни к холсту не подойдешь.

КС. Да все понятно... Только вот как слиться с миром? Своего слишком много внутри всего. И мир – что это? Одно дело, мы с вами сидим в Изборске, вокруг холмы и поля, над нами небо, на пригорке храм... А вот проехала мимо машина, и из нее на полную громкость орет музыка «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...». Жизнь так быстро меняется, и как настоящее-то ухватить? Писать мобильный телефон новейшей модели? Или портреты депутатов Государственной думы? Поэтому и хочется уцепиться за что-то устойчивое, сложившееся, устоявшееся...

ВК. Да вот за себя и Божий мир и уцепитесь, поверьте, что вы – одно!

КС. Я и вон тот парень с зелеными волосами – это одно?

ВК. Ну да, вроде на улицу-то выглянешь – и хочется скорее захлопнуть окно: одни своеволия, каждый сам себе господин и ничего устойчивого нет. И реальность как будто изъедена временем, как молью, и ткань ее ползет и рвется. И мы оттого так пестро и виртуально живем и пишем, что живем в

Туман

цифре, как моментальные фотографии нынешней камерой.

КС. Своеволие – штука комфортная: отгородился от всех и ни о чем голова не болит...

ВК. Можно и так жизнь прожить. И даже безбедно прожить: с утра на наш рынок – и новенькую модель на прилавок – веселую, желательно ироническую, картинку; жесткое, с матерком, тоже ироническое слово, где вся жизнь проста, как жизнь насекомых, а к вечеру сиди, слюни пальцы да складывая купюры стопочкой.

КС. Только тогда зачем художником быть? Лучше мобильные телефоны продавать: смысл тот же, но все честно и зарплата больше...

ВК. Может быть... Но только если ты художник, то чувствуешь же, что Господь тебе дар дал! И чувствуешь, что не продал Он тебе его, а именно дал – просто по любви к тебе, дураку! Так обрадуйся Его доверию, что именно тебе выпало счастье посреди как будто окончательно потерявшей себя реальности поднять каждое слово к свету, чтобы вечную косточку Господня смысла увидеть и назвать это слово, как Адам в раю...

КС. Наверное, Адам и был первый художник...

ВК. Именно! Когда он нарекал каждый цветок, куст, облако, птицу. И они – узнав свое Имя – делались счастливы и говорили Богу: «Вот мы!».

КС. Адам-то любил... А то ведь нынче не Имя найдешь – а ярлык:

«дураки», «жулики», «сорняки», «бардак»...

ВК. Но тут и место художнику – неужели не в радость увидеть новое городское, деревенское, бедное, злое, потерянное, сытое, развратное, веселое расплзающееся время и с удивлением узнать, что его никто, кроме тебя, не видит так ярко, ново, единственно, и попытаться назвать, как впервые, каждого прохожего, дерево, поворот дороги, чтобы и зритель остановился за спиной и перестал дышать от удивления: вот, оказывается, что мы такое, и пошел бы дальше, уже своей, единственной открывшейся ему, дорогой. Да о таком времени художнику только мечтать!

КС. Это все равно, что мечтать о подвиге...

ВК. А помните селинджеровского мальчика Холдена Колфилда из «Над пропастью во ржи»? Стоять на краю и не дать упасть в эту пропасть тому, кто рядом. Давайте не стесняться высокого в душе и не уступать только внешне всесильной цифре – особенно над пропастью во лжи.

КС. О-хо... Ну вот, я хотел без достоевщины, а ля франсе – как бы встречаются два интеллектуала за чашечкой кофе – просто побеседовать о материи искусства, о времени, как сейчас принято. А с вами любой разговор сразу переходит на высокое!

ВК. Простите. Видно, разучился я «просто» говорить. Время не дает.

КС. А вот за это и спасибо!

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского
зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее
подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской
богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100